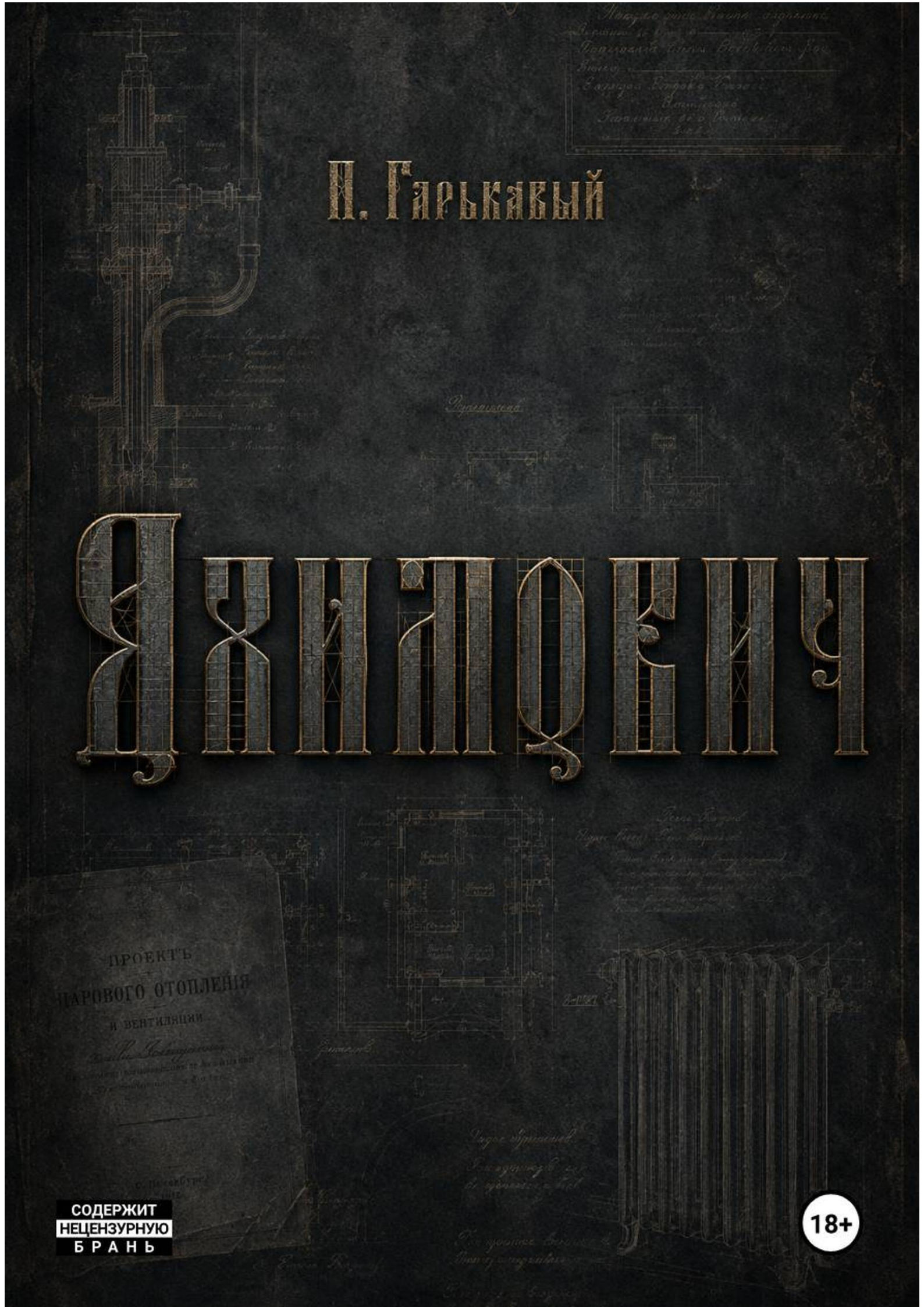
П. Гарькавый

Явлович

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Павел Гарькавый

Яхимович

«Автор»
2026

Гарькавый П. Н.

Яхимович / П. Н. Гарькавый — «Автор», 2026

В основе этой истории лежат подлинные архивные документы и свидетельства очевидцев.Тем не менее, автор позволил себе долю художественного вымысла, оставляя читателю право самому провести грань между правдой и воображением. Книга повествует о судьбе Вячеслава Августовича Яхимовича и посвящена памяти тех выдающихся ученых Российской империи, чьи имена и великие открытия были забыты и стёрты течением времени и влиянием обстоятельств.

© Гарькавый П. Н., 2026
© Автор, 2026

Павел Гарькавый
Яхимович

Павел
Гарькавый

Яхимович

Саратов 2026

ББК 84(2-Рус=рус) 6
УДК 882+929 Г-78

П. Гарькавый. Яхимович**.** Саратов: Издательство «Новый ветер», 2026 – 300 с.

ISBN 978-5-98116-342-5

Эта история основана на реальных событиях, подтверждённых архивными данными и свидетельствами очевидцев. Однако, автор позволил себе добавить элементы художественного вымысла. Что из прочитанного – факт, а что – фантазия, остается на ваше усмотрение.

Посвящается Вячеславу Августовичу Яхимовичу.

ISBN 978-5-98116-342-5

© П. Гарькавый, 2026
© Издательство «Новый ветер» – оформление, 2026

Повествование 1

Как глубоко и искренне, стоя перед иконой, раскрывается душа на закате жизни! Как сжимается сердце от невысказанности близким, от слов, что так и не сошли с губ, когда была такая возможность.

Сколько невысказанных признаний таится в глубине души, сколько мгновений можно было бы вернуть, чтобы исправить ошибки, которые теперь остались лишь призраками сожаления. А те улыбки, что не успел подарить, теперь отзываются эхом в памяти, напоминая о хрупкости времени, что уже не вернуть.

Зачем нужны в жизни эти испытания, страх, боль, трусость? К чему этот тернистый путь, терзающий душу? Но у каждой медали имеется обратная сторона. И как же сладки часы радости и любви! Когда душа наполняется светом и теплом, тогда я нахожу истинный смысл. В конце своих лет я ценю прожитое не за блеск и богатство, а за простые моменты, за тепло семейного очага, за красоту в обыденности. И именно в этой тихой красоте я обретаю покой. И я счастлив, невероятно счастлив, что смог искренне любить и быть любимым. Счастлив от тепла дочерей в их глазах, преданности сыновей, проявляющейся в их поступках. Счастлив от бескрайнего неба, от каждого мгновения, дающего мне силы творить и отдавать себя делу, ставшему для меня главным смыслом. Я рад почёту и уважению, что гордо пронёс на своих плечах.

Сейчас я стою в разрушенной квартире, среди руин, которые война превратила в пустошь: ветер, словно дух, бродит среди обломков, унося с собой крики погибших. Солнце медленно близится к горизонту, его лучи пробиваются сквозь пыльные окна, оставляют длинные, мрачные тени. Воздух становится всё холоднее, пронизывая до костей. Мои пальцы онемели, губы потрескались и кажутся каменными, словно потеряли всякую жизнь. Это не просто холод. Это ощущение пустоты, когда тело теряет силу и сливается с мёртвой тишиной, окутавшей эту комнату.

Я стаю перед иконой Богородицы, что кажется сегодня особенно живой.

Её взгляд пронзает меня насквозь, сквозь одежду, сквозь кожу, достигая самых сокровенных глубин моей души, моих тайн.

В нём я ощущаю то суровый упрёк, готовый обрушиться на меня, то безграничное сочувствие, жалость и понимание моего нелёгкого пути. И тогда её взгляд смягчается, словно ладонь, нежно касающаяся израненной души.

Я молюсь, с улыбкой и злобой вспоминая свою жизнь, все семьдесят пять лет, которые пронеслись перед моими глазами с такой ясностью, какой я прежде никогда не испытывал.

* * *

Я родился 25 июня 1875 года в Саратове, в городе, который в те времена был одним из губернских центров Российской Империи.

Даровали меня Вячеславом, в честь деда по материнской линии, уважаемого дворянина Камышинского уезда. Он за годы своей жизни снискал уважение всего городка: от скромных лавочников до чиновников земской управы. Его репутация, основанная на высоких моральных принципах, справедливости и рассудительности, была широко известна и глубоко почитаема обществом.

Дед искренне верил в равенство людей.

Для него не имели значения ни социальный статус, ни вероисповедание. Будь то смуглый араб, скромная ткачиха или статный парламентарий – все равны перед ликом креста и перед очами Всевышнего.

Человек он был внушительной комплекции, высокий и крепкий. Густые усы придавали ему особую солидность. Воздух вокруг него всегда был пропитан ароматом крепкого табака.

Его неизменным спутником в размышлениях была трубка, а на улице он редко появлялся без своей трости с медным набалдашником.

Несмотря на внушительное состояние, обширные земельные угодья, мельницу, торговые лавки и усадьбу в Бутковке, он никогда не проявлял высокомерия. Двери его дома были распахнуты для гостей с рассвета до поздней ночи. Люди приходили к нему словно к лучшему другу и близкому родственнику, делились радостью и печалью. Вячеслав Богданович внимал каждому, давая возможность высказаться, и старался понять людей и их положение. А там уже кому совет даст, а кому, бывало, и подсобит копеечкой.

Праздники гулял на широкую ногу. Особенно трепетно относился к Масленице, блины были его настоящей страстью. Он поглощал их без меры, стопка за стопкой. Щучья икра, душистый мёд, варенья – всё это дополняло его пиршество. А запивал это изобилие щедрой кружкой ароматного взвара. Бывало и такое: когда за неделю до праздника щедрость его достигала апогея, Вячеслав Богданович жертвовал повозку муки местным кухаркам, и те же пекли блины и угощали всех, кто собирался на площади.

Я его не застал, он ушёл из жизни всего за пару месяцев до моего рождения. Но слушая мамины рассказы, я представлял, будто он живёт рядом, на соседней улице.

Когда мне исполнилось три месяца, по настоянию моей матери, Софьи Иоанновны, глубоко верующей православной женщины, меня крестили в Александро-Невском соборе Саратова. Вскоре после этого, в том же году, я был перевезён в Камышин, где прошли мои самые беззаботные детские годы.

Вымазанные с головы до ног в грязи, мы с соседским мальчишкой Володькой бегали по задворкам и огородам. Тянули несозревшие овощи с грядки, исследовали крыши амбаров и проверяли глубину луж в осеннюю непогоду, не раз выхватывая от отца за сырые ноги. Но любимым развлечением было — гонять уличных котов и привязывать к хвостам лёгкие жестяные предметы. Они так грохотали, когда те убегали от нас по забору, что мы держались за животы от смеха.

Мой друг Володька Романчук жил напротив, в доме поменьше нашего. Его отец держал конюшню у почтовой станции, где меняли лошадей, тянувшихся караваном вдоль нашего городка. Наши родители дружили, вечера часто проводили вместе, и тогда дом наполнялся ароматами свежей выпечки и душистого чая.

Володька на два года старше меня. Я помню его столько, сколько себя. Казалось, я едва научился ходить, а он уже был рядом. Он мне словно старший брат: следил и оберегал, а я его слушал и подчинялся, хотя и частенько поддавался на его хулиганские затеи – мы с ним то валенки дефицитными чернилами выкрасим, воображая их волшебными, то вожжи изрежем, смастерив себе кнут для игры в казачьего атамана. Хотя мне за эти выходки доставалось от отца, я своего товарища никогда не сдавал и никогда не сваливал на него вину, а твёрдо и упрямо молчал в углу гостиной, когда родители устраивали вечерний допрос.

Возможно, я был слишком юн, а может, слишком непоседлив, но в те годы детская беззаботность и озорство вихрем кружились в моей голове, не давая различить добро и зло. Тем не менее, именно эти моменты стали самыми дорогими воспоминаниями моей юности.

Скоро мне предстоит покинуть родные стены, проститься с беззаботным детством. Отец принял твёрдое и окончательное решение отдать меня на учёбу в Саратовскую первую мужскую гимназию, где я проведу последующие одиннадцать лет. Да, я отлично помню тот день. Мне было восемь лет, был январь, едва рассвело, а из-под крыш сараев доносились заунывные крики петухов. Наши сани, запряжённые двойкой, уже неслись по проспекту Александра Второго, средь выбеленных известкой двухэтажных домов с тёмными окнами, мрачно взиравшими на нас.

Мне вспоминается то тёмное холодное небо. Помню звон колокольчиков на конской упряжи. Перед глазами встаёт и тот красный платок, в который была укутана матушка, — она часто будет мне сниться во снах и почему-то в этом пуховом платке.

Софья Ивановна – невысокая, худощавая, белокурая – была воплощением дворянских канонов. Она, хранительница нашего дома, сплетала невидимые нити тепла и уюта в единое прочное полотно. В ней не было ни суеты, ни резкости, лишь спокойствие, подобное глади озера в безветренный день. Даже в моменты детских шалостей, когда я, маленький и неуклюжий, мог что-то уронить или разбить, она лишь мягко улыбалась.

Её руки… О, эти руки! Ласковые, нежные, они обладали удивительной целительной силой. Любой ушиб, любая ссадина, полученные в пылу игр, мгновенно теряли свою остроту под её прикосновением. Она не просто обрабатывала раны – она вкладывала в это столько заботы и любви, что боль отступала сама собой, испугавшись её нежности. А её поцелуй перед сном! Она целовала меня в лоб нежно и ласково, и я засыпал, чувствуя себя самым защищённым ребёнком. Для каждого дитя мать – самый близкий человек. Но спустя десятилетия передо мной стоит образ истинной женственности, несущей на своих плечах любовь и уют. И я, её сын, навсегда останусь благодарен ей за этот тихий, но бесценный дар.

Извозчик, звонко щёлкая хлёстким кнутом, гнал лошадей. Мы спешили в собор на утреннее богослужение, и матушка очень боялась туда опоздать.

— Маменька, мы долго там будем? – спрашивал я.

— Славуня, отстоим службу, и сразу домой, – отвечала она: так ласково одаривала она меня лишь в минуты нашего уединения или перед сном, на людях же обращалась ко мне полным имени – Вячеслав, будто намекала на мою взрослеющую самостоятельность. Но, признаюсь, именно «Славуня» звучало для меня как нечто родное, как будто я был птенцом, укрытым под крылом могучей орлицы.

— Хорошо, – вздыхал я и прижимался к ней ещё ближе. – Маменька, а можно к нам сегодня заглянет Володька? Мы с ним потешимся в бирюльки, повеселимся?

— Вовка?! Так вы с ним в ссоре, у вас вчера дело до драки дошло, вон ссадина на щеке какая.

— Ну так это было вчера, а значит не в счёт. Сегодня мы с ним уже в дружбе.

Мама заулыбалась:

— Пускай приходит.

Я задумался и снова обратился к Софьи Ивановне:

— А почему с нами отец никогда не ходит в церковь?

— Видимо, душа Августа Ивановича больше расположена к делам людским, нежели к Всевышнему.

Я нахмурился:

— Значит, он не верит в Бога?

— Думаю, что где-то в глубине души верит, но почему-то с недоверием относится к священнослужителям.

— А почему? — мой вопрос был настойчивым, ведь отец был для меня неразгаданной загадкой.

Мама обняла меня:

— Этого я уже не знаю. Каждый человек имеет свои помыслы, и что у твоего отца в голове, я не могу сказать. Он закрытый и тяжёлый по характеру. Даже с годами я не могу проникнуть в его сердце.

— Но как же вы тогда полюбили друг друга?

Она посмотрела на меня с натянутой улыбкой:

— Когда я была молода, часто вышивала куклам платья. Но к отцу пришли сваты, я и оглянуться не успела, как уже вышивала узорами постель к свадьбе. Отец выдал меня замуж. Дни шли за днями, стерпелась, а потом, от безвыходности, и влюбилась.

Её слова, полные скрытого смирения, повисли в тишине. Я опустил голову и вновь прижался к ней.

* * *

В церкви витал густой аромат ладана и воска, повсюду трепетали огоньки свечей. Батюшка торжественно вёл службу, его речь поднималась высоко под арочные своды храма, где эхом разносилась вдоль фресок с обликами святых.

Спустя час мне стало скучно, утомились ноги, стало жарко, от скопления прихожан душно, тяжело дышать. Я стянул с плеч шубейку и пытался вслушиваться в слова чтеца. Но они проносились мимо, как неразборчивый шум, не оставляя в голове ни единой мысли. Я поджидал момент и вместе со всеми осенял себя крестным знамением. Пока случайно не увидел в толпе Володьку. Наши взгляды встретились, и тут я позабыл про службу, про священника и про усталость в ногах.

Всё оставшееся время мы стояли, улыбались, перемигивались и незаметно от всех кривили друг другу лица.

Пройдут года, но наша дружба с Володькой останется незыблемой. За всю свою жизнь я не встречал человека, подобного ему.

Он словно солнечный луч, рассеивающий тьму. Его глаза сияют, а улыбка способна заразить радостью каждого. Володька не просто живёт, он ощущает жизнь во всей её полноте. Он дорожит каждым мгновением, каждой мелочью, и эта всеобъемлющая любовь к миру передаётся всем, кто находится рядом. Его заразительный смех заставляет забыть о невзгодах и печалях.

Он излучает какую-то космическую энергию и неуёмное веселье. Его память безупречна, а голова – настоящая энциклопедия шуток и частушек.

Именно этому человеку я безмерно благодарен за поддержку и надёжную опору на моём жизненном пути.

Едва служба подошла к концу, как на улице нас уже поджидал Володька.

— Доброго вам утречка, Софья Ивановна! — звонко окликнул он, а мне протянул руку. Мы по-мужски, по-взрослому, крепко обменялись рукопожатиям.

Мама улыбнулась:

— Привет, Володя. А что же ты один? Где твои родители?

— Вон они, — круглолицый мальчишка, щеки которого пылали румянцем, а шапка сидела набекрень, указал на сани, уже покидавшие площадь. — Я отказался с ними ехать.

— Ну тогда поедем с нами, – предложила мама.

— Нет, – возразил мой друг. – А можно мы со Славкой сами доберёмся? Софья Ивановна, я дорогу знаю, сейчас прямо по улице, сворачиваем у сгоревшего дома, а там направо у почты уже пойдут наши дома. Я ходил отсюда один, я знаю.

Матушка посмотрела на меня:

— Ну так-то по времени поздний час, а у нас ещё и крошки во рту не было.

Меня заинтриговало это предложение, так далеко от дома вдвоём с Володькой я ещё не был и стал упрашивать матушку:

— Маменька, мы быстро доберёмся, быстрее, чем наши сани. Честное слово, маменька, не успеете дома с плеч сбросить шубейку, как я вас уже буду ожидать за столом.

Женщина улыбнулась, одобрительно кивнула головой:

— Ну хорошо, бегите, да смотрите мне, извозчик наш бойкий.

Вовка ударил меня по плечу, осквернил едкой вонючкой и, начав игру в ловитки, дал дёру. Я ринулся за ним. Мы бежали наперегонки, словно два ветра, что неслись навстречу

солнцу, которое слепило глаза, бежали по белому снегу, хрустевшему под подошвами валенок. Бежали вдоль булочной, где уже выстроилась очередь из прихожан храма. Бежали вдоль парикмахерской, где недовольный визитёр хаял цирюльника.

Лавируя среди встречных пешеходов, я всё же врезался кому-то в спину, тому, с чьих плеч свисала шинель. Высокий, крупный человек обернулся, на его груди красовался тёмно-зелёный мундир с большими медными пуговицами. Это был полицмейстер. На его круглом, раздутом лице от злости нахмурились брови.

— Да шо ты, фуфлыга, ослеп шо ли, или очи ушанкой пережало? Не ведаешь, кто перед тобой? — глухим барабанным басом вырвалась ругань из-под его широких, накрахмаленных усов.

Я, не проронив ни слова, ринулся снова бежать, ещё быстрее прежнего, что есть силы, не оглядываясь назад, желая поскорее добраться до дому.

И одна, и вторая улица остались позади, и вместе с ними улетучилась энергия. Мы сбавили бег, но вскоре вообще перешли на медленную, неспешную ходьбу. Холод обжигал горло, но внутри меня разливалось тепло. Щёки горели, пар вырывался изо рта, а голова гудела. Я распахнул шубейку, обтёр варежкой сопли и взглянул на друга:

— Ты видел его лицо?

— Ага, – Вовка остановился, – он был как самовар, ещё немного – и закипел бы. Еще бы чуть-чуть, и из его ушей повалил бы пар от злости. – Володька, кривляясь, развёл руки, согнув их в локтях, надул щёки и, пыхтя ртом, принялся передразнивать полицмейстера, выдавливая из себя грубый голос: – Вы что, не видите дороги?

Я засмеялся

— Ну а что ты смеёшься? Ты бы видел своё лицо! – продолжал он, не унимаясь. – Перепугался сильнее девчонки, чуть не расплакался.

— Нет, не испугался! – сердито возразил я. Володька тут же передразнил меня, изображая:

— Вот каким ты был!

В этот момент мне стало не до шуток.

— Вовсе нет, не боялся! – крикнул я в ответ, пытаясь оправдаться.

— Испугался. Трус.

— Нет!

Наш спор, скорее всего, перерос бы в настоящую перепалку, если бы не случайность: мы проходили мимо спалённой пожаром избы.

— Слушай, – вдруг воскликнул Вовка, его глаза загорелись любопытством. – А давай заглянем туда!

Я бросил взгляд на чёрные, обугленные бревна, торчащие из-за покосившегося забора.

— Это же пожарище, – пояснил мой друг, – там давно никто не живёт. Давай хоть одним глазком посмотрим, что там может быть.

Словно любопытные суслики, мы вытянули шеи над забором, пытаясь заглянуть за его преграду. Изгородь оказалась высокой, вся территория оставалась скрытой от наших глаз. Неудовлетворённое любопытство подтолкнуло нас к решительным действиям. Раздвинув хлипкие штакетины, мы с трудом протиснулись в узкую щель.

Двор утопал в снегу, из-под которого пробивались лишь сухие стебли травы. В центре застыла старая телега с обломанными оглоблями, а неподалёку виднелся колодец.

Шаг за шагом, сперва осторожно и с опаской, мы начали исследовать незнакомую территорию в поисках чего-то необычного. Вскоре смелость взяла верх, и мы вошли в обугленный дом. Часть крыши отсутствовала, а стены казались настолько ненадёжными, что могли обрушиться в любой момент. Но это нас не остановило. Мы осмотрели покорёженный каркас кровати, закопчённые кастрюли и другие вещи, оставленные пожаром. Заглянули в погреб, вооб-

ражая, что там спрятан клад, затем попытались забраться на остатки чердака, но безуспешно. И тут мы заметили, что все перепачканы в саже.

Я расхохотался, глядя на Вовку?

— Ты настоящий жук, навозный жук! – вырвалось у меня. Его серая шуба и светлые штаны были сплошь покрыты сажей: – Ну-ка, пожужжи, «жу-жу!» – дразнил его я, не упуская шанса отыграться за «труса».

— Стой, не шевелись! – скомандовал Вовка, и тут же мазнул грязным пальцем под моим носом: – Ха-ха, у тебя усы!

Я недовольно попытался стереть их рукавом, оставив чёрный оттиск на всю щёку.

— А давай! – с восторгом воскликнул Вовка, и не успев закончить фразу, схватил уголёк и принялся рисовать на борту телеги маленьких чёрных человечков.

Я сразу же присоединился. Узкие борта гужевого транспорта быстро покрылись нашими каракулями. Мы переключились на забор, но полугнилые, узкие доски не дали нам развернуться в полную силу. Тогда, набив карманы графитными угольками, мы вышли на улицу. Белёные кирпичные стены рядом стоящего здания тут же предоставили нам простор для фантазии. Мы рисовали кошек, собак, а потом и вовсе каких-то неведомых существ.

Наши рисунки были простыми, но полными детской фантазии и радости. В этот момент казалось, что весь мир вокруг — это огромная игровая площадка, где нет места скуке и грусти.

Вспомнив о том, что утро провели на службе, мы решили намалевать церковь.

— У тебя на храме кресты маленькие, — сделал замечание Вовка.

— Да у тебя вообще не так, у тебя не в ту сторону наклон нижней палочки.

— В ту.

— Нет, не в ту.

Мы переглянулись и побежали в центр улицы, откуда хорошо виднелись купола.

Вернувшись и убедившись в правильности, мы принялись рисовать кресты. Между нами возникло соревнование, кто больше их нарисует и у кого они будут самые красивые. Мы рисовали их большими, во весь свой рост, докуда только дотягивалась рука, и маленькими, с ладошку. Рисовали тучными и изящно тонкими. Мы украшали их парящими снежинками зимнего дня, облагораживали ночными звёздами, добавляли рядом с ними птичек, которые словно застыли в небе.

Воздух наполнился шелестом угольков, скользящих по шершавой поверхности, и нашим сосредоточенным, чуть прерывистым дыханием. Мы ощущали себя творцами, чьи руки рождают не просто узоры, а истинные шедевры. Мы дарили этому городу красоту, воплощая в себе дух православия, который ощутили в стенах церкви.

Не успел я закончить своё творение, как сильный толчок в шею подбросил меня в воздух. Ноги оторвались от земли. Я испуганно сжался, почувствовав себя котёнком, которого схватили за загривок. Прищурившись, обернулся.

Меня держал тот самый полицмейстер в зелёном мундире. Его длинные усы топорщились, а лицо пылало, словно варёный рак. Другой рукой он крепко сжимал Вовку.

— Что это вы тут удумали, лиходеи? — свирепо завопил он, тряся нас. У меня из рук посыпались угольки и варежки, а с Вовкиной головы слетела ушанка. — Кто такие будете? Живо отвечайте!

— Я Славка, Славка Яхимович, — с трудом выдавил я, чувствуя, как грудь сдавливает то ли страх, то ли туго натянутый воротник шубейки. Внутри всё сжалось от ужаса.

— Я Вовка Романчук, живу тут рядом, мой дом за поворотом, – пролепетал мой друг, его голос дрожал не менее моего. А на бледном лице ещё больше стали заметны пятна сажи.

— Яхимович, не ты ли сын Августа Ивановича? – не унимался страж закона. Я лишь кивнул, насколько смог.

Железными тисками он потащил нас по улице, не отпуская хватки до самого порога дома.

Август Иванович, мой отец, был человеком, чье воинское звание, казалось, въелось в самую суть его характера. Суровость была его второй натурой, а плохое расположение духа – постоянным спутником.

Его гнев часто обрушивался на всех обитателей нашего дома. Кухарка получала нагоняй за остывшие щи, горничная за недостаток дров в печи или за не вовремя высохшие чернила на его столе. Конюх – за то, что долго запрягает лошадей. Улыбку на его лице можно было увидеть лишь в редкие праздники, когда дом наполнялся гостями. Тогда, после пары бокалов вина, Август Иванович преображался, становился снисходительным, разговорчивым, сыпал историями и даже позволял себе едкие, но, как он считал, остроумные шуточки с матерком.

В те годы отец служил секретарём совета по Камышину. Его гордость, закалённая в юности армейской дисциплиной, не допускала мысли о сыне-вредителе, который предпочитает уличные шатания и, что ещё хуже, превращает стены городской почты в погост с чёрными крестами. Именно так, с грохотом и громом, закончился тот вечер.

Я получил сполна. Август Иванович вынес своё безоговорочное решение: отправить меня в Саратовскую гимназию, где, как он надеялся, мне дадут ум и наставят на жизненный путь.

И вот, мои последующие одиннадцать лет пройдут вдали от дома и матушки.

Повествование 2

— Год 1894 —

Одиннадцать лет, прожитых под сводами Саратовской гимназии, навсегда запечатлелись в моей душе, став фундаментом моего характера. Это было не просто место учёбы, а второй дом, наполненный яркими радостями, преодолёнными трудностями, верными друзьями и незабываемыми испытаниями.

Первые месяцы в гимназии тянулись бесконечной чередой, где каждый день сливался с предыдущим, рождая гнетущее чувство однообразия.

Казалось, время застыло, и я обречён топтаться на месте, в плену этой нескончаемой рутины.

Но год спустя эта монотонность развеялась, словно утренний туман под первыми лучами солнца. Я освоился в строгом расписании, принял его неумолимую логику и научился жить по графику, где каждая минута имела своё предназначение.

Каждое утро в коридоре раздавался зычный звон колокольчика. Словно полководец, отдавая приказы в одно и то же время, он звенел перед завтраком, сигнализировал о начале занятий, извещал об обеденном перерыве и, наконец, об отбое. Вся моя жизнь подчинялась мелодии этого поганого трезвона.

Но я повторюсь: со временем ко всему привыкаешь.

Привыкаешь к нескончаемым придиркам старших воспитанников.

Привыкаешь к тому, что здесь всё общее, а лучшее общее быстро переходит в пользование старших воспитанников.

Человек подобен волку — такая же стая, иерархия и дисциплина, распределение ролей. Сильный рычит на слабого. Кто-то сбивается в группы, а кто-то крадёт хлеб с кухни. Конечно же, по крошкам легко выследить нарушителя, но я ничего не говорю, молчу так же, как и все остальные. Такая уж жизнь, и смириться с этим единственное утешение, которое я нахожу в тишине ночи.

Вскоре я с головой ушёл в учёбу, отдавая дань арифметике с её бесконечными цифрами, и в особенности полюбил естественную науку и технологию, ставшую для меня настоящим увлечением. Я всегда восхищался великими учёными и изобретателями, такими, как Петров, Яблочков или вот Можайский. Их гениальность и стремление к новаторству в технике вызывают у меня искреннее почтение. Особенно поражает их умение не только придумывать оригинальные идеи, но и воплощать их в жизнь, преодолевая многочисленные трудности.

В четырнадцать лет мои мечты о будущем уже обрели чёткие очертания. Я хотел изобретать и совершенствовать различные устройства, желал делать жизнь человека ещё проще и удобнее. Эта страсть стала моим компасом, ведущим по пути творческих поисков.

Порой, взглянув на свои идеи, я удивлялся, насколько просто и легко они выглядят на бумаге. Однако, как и у многих юных мечтателей-изобретателей, у меня возникла проблема. Я не имел возможности проверить свои задумки на практике, да и мне бы это здесь делать никто не позволил. Несмотря на это, я нашёл способ сохранить искру своих мыслей и дать им возможность развиваться в будущем. Я завёл тетрадь – мой личный архив, куда записывал все инженерные фантазии, идеи и эскизы.

Каждая страница этой тетради стала для меня настоящим хранилищем творческих замыслов.

В будущем, перелистывая страницы этой тетради, я буду улыбаться с лёгкой иронией над мыслями, которые когда-то казались мне вершиной гениальности. Но за этой усмешкой будет таиться тёплое чувство ностальгии.

Среди этих идей были идеи об усовершенствовании фотографии. Я искренне верил: если хорошенько разобраться в устройстве передачи света, то можно создавать цветные снимки. Еще одной идеей стала… сера на спичках, вернее, проблема, с которой сталкивался каждый, когда они промокают. Если поиграть с химическими элементами и довести серу до ума, то можно получить надёжный инструмент для разведения огня, незаменимый в любых условиях.

Каждое из этих размышлений было важным этапом моего развитии. Эти маленькие мысли и идеи питали мой внутренний мир, давая волю воображению, оно с каждым годом расцветало всё сильнее.

Но также в гимназии мне пришлось столкнуться с предметами, которые оставляли меня совершенно равнодушным и не вызывали никакого интереса. Они больше создавали в голове настоящий хаос, забивая её ненужной информацией. Из-за этого я не мог сосредоточиться на том, что мне действительно нравилось. Мои мысли разлетались в разные стороны, словно перья из старого матраса.

Я прекрасно понимаю стремление гимназии выпускать всесторонне развитых и талантливых студиозов. Однако зачем мне знать древнюю историю Рима, если я туда не собираюсь? Да и латинский язык мне тоже неинтересен. И я всячески пытался уйти от этих занятий.

Поначалу я прибегал к хитростям, выдумывая недуги: то зубную боль, то живот режет. Эти уловки неизменно вели меня в санчасть, и этот день я, разумеется, прогуливал.

Но меня быстро раскусили, и в последующие годы под строгим надзором учителя я писал непонятные и неинтересные для меня каракули.

Гимназия. Это слово до сих пор вызывает у меня тёплое, немного грустное чувство. Не столько из-за уроков или строгих учителей, сколько из-за тех, кто был рядом.

Там я обрёл настоящих друзей, с кем старался держаться вместе. Мы находили время для игр в коридорах во время перемен, для дерзких шалостей, которые заставляли нас по ночам прятаться от сторожа. Мы участвовали во всех гимназических мероприятиях. Но самые яркие моменты, которые нас объединяли – посылки от родителей. Когда кто-то из нас получал заветную коробку, это становилось настоящим праздником. Мы собирались в укромном уголке, и там каждый кусочек, каждая конфета делились поровну, и в эти моменты мы чувствовали себя настоящей семьёй.

В такие минуты радости мы давали клятвы дружить всю жизнь. Но время – это неумолимый художник, что мешает краски на холсте. После окончания гимназии жизнь нас всех разбросала: кто-то поступил в столичный университет, кто-то уехал в другой город осваивать свою специальность, кто-то вернулся в родные края.

Какое-то время мы ещё пытались поддерживать связь – писали письма, полные новостей, радостей и трудностей. Но с годами письма приходили всё реже, а ответы становились короче.

Я больше никогда не видел тех ребят. Не знаю, как сложилась их дальнейшая судьба, где они сейчас и живы ли вообще.

После окончания гимназии с отличием я получил аттестат зрелости и был направлен в Харьковский технологический институт императора Александра III, на инженерный факультет. Там я намеревался обрести не только инженерное ремесло, но и право на преподавательскую деятельность. Однако, в преддверии учебного года, наступили летние каникулы, и я, полный сил и юношеского задора, отправился домой.

* * *

Май, на улице пахнет свежестью и цветами, весна явно вступила в свои права, и природа словно распахнула передо мной свои объятия. Деревья оделись в яркую изумрудную зелень, а воздух наполнился звонкими трелями птиц. Даже коты, почувствовав тепло, начали громко орать. А дамы! О, дамы, они сменили пальто на лёгкие, струящиеся платья и радуют своей грацией и улыбками.

Я стою на перроне Южного вокзала Харькова. Внутри бурлит радость. Всего лишь сутки отделяют меня от родного дома, от знакомого запаха, от объятий близких.

Сердце стучит учащенно, предвкушая каждую минуту.

И вот паровоз, словно исполин, величаво приблизился, издав протяжный гул и извергнув в небесные сини клубы белоснежного пара. Я бережно уложил в карман своего жакета промасленный свёрток газеты, в котором покоились два румяных пирожка с картошкой, купленных здесь же, на перроне. Да, я позаботился о провизии, предвидя в дороге неизбежный голод, а этого запаса мне должно было хватить до родного порога. Подхватив чемодан, с довольной ухмылкой шагнул в вагон.

Внутри царила суровая атмосфера, далёкая от уюта. Стены, покрытые масляной краской, отражали тусклый свет, а жёсткие деревянные скамьи, хоть и оснащённые высокими спинками, скорее служили для уединения, чем для комфорта. Эти спинки, словно ширмы, отгораживали от соседей, от их навязчивости. Немногочисленные открытые окна не справлялись с потоком воздуха, и вскоре вагон наполнился удушливой смесью запахов, терпкий аромат сушёной рыбы переплетался с едким запахом пота, затхлым духом прелого белья и тяжёлым перегаром.

Я отыскал свое место, обозначенное в билете как номер 28. Все мои попутчики на соседних местах оказались крайне открытыми и весёлыми людьми. Слева от меня расположились двое мужчин, лет сорока пяти на вид, облачённые в косоворотки из грубого домотканого полотна. У одного поверх рубахи красовалась жилетка. Оба уже успели раскраснеться от спиртного, хотя солнце ещё не достигло своего полуденного зенита.

У окна на скамейке сидела молодая девушка. Её алые губки, нежное округлое личико и бледная кожа, усыпанная веснушками, придавали ей особую привлекательность. Она читала книгу, не замечая ничего вокруг.

Проход к моему месту был перегорожен толстой женщиной бальзаковского возраста, с поясом из собачьей шерсти, туго затянутым на талии. Она наклонилась, увлечённо копаясь в своем саквояже, не оставляя мне места для прохода. Я решил не настаивать и просто подождал, пока она завершит свои поиски.

— Здарова! – прогремел голос одного из мужиков, и он протянул мне руку. – Николай, – представился он.

Женщина, не поднимая головы, словно тень, отступила в сторону. Я прошёл к своему месту, ощущая на себе их взгляды.

— А я Степан, – протянул руку второй.

Я пожал руки, большие, грубые, с мозолями. Представился и сказал, что студентом направляюсь домой.

— Проходи, присаживайся – усмехнулся Николай, плеснув в стакан немного вина, протянул его мне.

— Дорога дальняя. Можно позволить и немного портвейна, за знакомство и за возвращение домой.

Охваченный отличным настроением, я согласился. Мы звонко стукнулись гранями посуды, и я сделал глоток. Вяжущая кисло-сладкая жидкость разошлась по горлу. Внутри разлилось тепло, я предвкушал безграничное счастье завтрашнего дня. Моя душа стремилась к нему, как этот поезд, мчащийся мимо полей и деревень с их покосившимися избами, словно забытыми страницами прошлого.

Учебный год училища остался позади, как и телеграфные столбы, мелькавшие за окном. Впереди ждали жаркие, беззаботные дни лета.

Женщина, что рылась в своём саквояже, облегчённо выдохнула и принялась раскладывать на столик съестные продукты – углицкую колбасу, ржаной калач, луковицы и ещё что-то, завёрнутое в газеты. Она выпрямилась.

— Давайте откушаем, нельзя голодный желудок вином заливать.

Мой взгляд невольно устремился на её лицо. На те грубые черты, что, по-видимому, не знали ни парфюма, ни губной помады, ни румян из женского туалета. Она была из тех женщин, которые всю тягость жизни берут на свои плечи. Сильная, крепкая, с железным не прогибающимся духом.

Когда она заметила мой взгляд, то представилась:

— Таисия Петровна. А ты на кого, говоришь, учишься?

— На техническо-инженерном факультете, госпожа.

— Эх, мать моя блудница! – громка выругалась она, так меня ещё в жизни не называли, поглянь-ка, Верка, с нами чины будущие едуть! – громко засмеялась женщина.

Девушка покосилась на меня из-под обложки старой затёртой книги.

— Ну ты, хлопец, шустёр, ты мне нравишься, – продолжала она. Я почувствовал, как мои щеки заливаются теплом.

— А ну-ка, мужики, раз такое дело, то и госпоже налейте, – женщина села напротив меня, взяла чашку, протянула Николаю.

— Я застенчиво выложил пирожки на стол.

— Да-с, позвольте-с за такой богато накрытый стол ещё одну раскупорить. – Николай, будто фокусник, в одно мгновение откуда-то достал вторую бутылку.

— О-о-о, господа, прошу прощения, но я вынужден отклонить ваше предложение! – твёрдо заявил я, – мне и этого будет достаточно.

— Ну не хочет, не нужно, юн ещё, – вступилась женщина.

— Молодое поколение нынче хилое, оттого, што закалки нема, – произнёс Степан, разлив бутылку на троих.

— Ну и пускай лучше закаляются в науке, нежели в стакане, – протянула Таисия Петровна.

Девушка заулыбалась, отложила книгу и, поглядывая на меня, подсела за стол, принялась чистить яйцо.

— Вот скажи, Славка, почему ты здесь, с нами? – обтерев сальные губы, обратился ко мне Николай.

— Ну… – я растерялся, не поняв вопроса.

— Почему ты с нами, а не в вагоне первого класса? – повторил он.

— Откуда у студента деньги на первый класс? – улыбнулся я.

— Вот! А я тебе скажу: ты, наверное, не понимаешь, что ещё не избалован ни роскошью, ни богатством. Если бы ты вкусил барскую долю, то любым способом нашёл бы деньги на билет в красном вагоне, на мягком месте под задом.

Он протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатиями.

— Вот пройдут года, оставайся таким же, – продолжал он, – простым человеком.

— Не, не будет, – махнул рукой Степан, – безнадёжный случай, дослужится до какого-нибудь чина и сразу же перепрыгнет на тёплые места.

— Ну что вы набросились на мальчика! – приструнила говорунов Таисия Петровна

— Ни на кого мы не набросились. Мы же все люди, — спокойно продолжил Николай. – Мы все за одним столом должны обедать, но где мы и где они? Мы рады и пеклеванному хлебу, а у них там балы и фуршеты. Мы думаем, где угля на зиму найти, а у них особняки и поместья.

— Эх, а как же хочется равенства! – продолжал Степан. – Хочется подойти к барину, шутливо похлопать его по плечу и сказать: Фёдор, сегодня твоя очередь кормить свиней, или вообще послать его в поле, на сенокос.

Николай улыбнулся:

— Ну, вернёмся в деревню, так и скажешь ему, да и косу ему протяни.

— Только потом Степан ноги протянет, – съязвила женщина.

Все за столом рассмеялись. Атмосфера становилась всё более теплой и дружеской.

— Нет! У нас нет и не будет равноправия, – громко продолжал Степан. – Люди делятся на два сорта: первый с деньгами в сундуке, а второй с дырками в кармане. И другого не дано. А хочется, чтобы все жили одинаково, хорошо.

— Но такого не будет, – твёрдо заявила женщина.

Я допил небольшое содержимое моего стакана. Взял кусочек колбасы и захрустел долькой лука.

— Это Вера, моя племянница. Мы гостить едем под Рязань, там родственники живут, – женщина указала на девушку у окна, тем самым сменив неинтересный для неё разговор.

— Хороша у вас племянница, – сказал я, чувствуя, как алкоголь помогает преодолеть робость. – И красива, и умна, книгами увлекается.

— Хороша, но не заглядывайся. Молода ещё, – продолжила Таисия Петровна.

— Мать у неё шесть лет назад умерла, вот я и воспитываю и её, и сестру её старшую. А тут полгода назад к Верке свататься пришли, так я говорю: «Нет, сани вперёд кобылы не ходят, есть старшая сестра». Так сваты долго не думали, забрали старшую под венец, вот живём теперь вдвоём.

— А что с матерью? – беспардонно спросил Степан.

— Лихорадка за три дня в гроб загнала. На нашей семье будто кара какая-то, никто помногу не живёт, – продолжила попутчица. – По нашей линии долгожительницей была только бабка Груня, она до восьмидесяти лет дожила. Но, правда, умалишённая была. – Собеседница покрутила пальцем у виска. – Утром встанет вроде бы в своём духе, здоровается со всеми, даже что-то спросить у неё можно, а к обеду уже никого не узнаёт, а к вечеру так вообще пойдёт по деревне песни петь и теряется, избу свою забывает. Ух, сколько раз искали её, то в чащу забредет, то на погосте сидит, кресты разглядывает.

— Да уж, сколько людей по миру белому ходит, столько историй услыхать можно, – задумчиво сказал Степан.

— Донского табачка? – окликнул меня Николай.

— О нет, благодарю, не имею такой привычки.

— Зря, душистый!

Друзья закурили, и густой дым от хорошо высушенного табака заполнил пространство.

Непривычное ощущение дурноты охватило меня после вина на пустой желудок.

— С вашего позволения, пойду чуточку освежусь, — пробормотал я и направился к выходу. В тамбуре, распахнув дверь, я шагнул навстречу ветру. Он тут же взъерошил мои волосы, принеся с собой долгожданную свежесть. Ах, какое блаженство! Тёплые лучи весеннего солнца коснулись моего лица. Я закрыл глаза, прислонившись к дверному проёму, мысленно вошёл в такт качающегося вагона, прислушиваясь к стуку колёс.

— Мне тоже не нравится запах папиросного дыма, – прозвучал рядом нежный голос.

Я открыл глаза и увидел её, девушку, чьё лицо украшала россыпь веснушек.

Собравшись с мыслями, я выпрямился.

— Можно постоять с вами? Уж больно хочется свежего воздуха, – спросила Вера.

— Да, конечно. Пожалуйста.

— Я никогда не пробовала табак и не понимаю, что в нём находят люди.

Я пожал плечами:

— Пару раз доводилось, и, честно говоря, это отвратительно. Всё равно, будто жуёшь навоз, потом смердит полдня во рту.

Вера заулыбалась:

— А ещё, говорят, привычка.

— Какая там привычка! – возразил я, – до привычки нужно курить годами, изо дня в день пичкать себя этой отравой.

— Но уж так устроен человек, говорят, кто-то находит в этом успокоение, а кто-то удовольствие, – предположила девушка.

— Вот это как раз и для меня загадка. Домашние ватрушки прямиком из печи да с холодным молоком – вот что приносит удовольствие. Или пирожное с облепиховым чаем.

— Как вы заговорили сладко! Пироженька всегда в удовольствие, даже если не привык к сладкому. – Девушка рассмеялась: – я ещё та сластёна!

— Вы знаете, я тоже. Всё моё детство в гимназии я испытывал недостаток сладкого. Теперь мой организм требует наверстать упущенное.

Девушка прищурилась и мечтательно покачала головой:

— Эх, сейчас бы эклер да с воздушным кремом.

— Знаете, Вера, буквально на днях прочитал в журнале статью о французском лакомстве. Оно, кажется, называется, «Париж-Брест». Это пирожное в форме велосипедного колеса, с заварным тестом, кремом пралине, и подаётся оно со свежими ягодами, клубникой и смородиной.

— Довольно, перестаньте, прошу вас, у меня от этого разговора уже свербит в животе.

Я заулыбался.

Она подошла ближе, выглянула в открытую дверь и нечаянно прикоснулась ко мне спиной.

Ветер перебросился на её русые волосы, и они заиграли золотыми отблесками под лучами солнца. Её тонкая шея обнажилась, я ощутил нежный, едва уловимый аромат парфюма, смешанный с запахом полевых цветов.

Я замер, смотрел на неё, как на нечто особенное, ранее невиданное мной. Её красота поразила меня своей естественностью и хрупкостью, как произведение искусства, способное тронуть даже самого сдержанного человека. В этот момент она была воплощением всего прекрасного, что может предложить этот мир – лёгкая, воздушная, словно сотканная из солнечного света и ветра.

Вера повернулась ко мне, и её карие глаза встретились с моими. В них читалась грусть, но и нежность, которая заставила моё сердце забиться чаще. Она мягко улыбнулась и сказала:

— Нам пора возвращаться.

Эти слова разрушили волшебство момента. Но я понимал, что она права. Я кивнул, не в силах отвести от неё взгляд.

Табачный дым ещё держался в воздухе, приглушая другие неприятные ароматы.

Таисия Петровна пересела на моё место, поближе к мужикам, они увлечённо обсуждали что-то важное. Я присел возле Веры у окошка, обрадовавшись этому изменению.

— Вернулись, – громко сказал Николай, ещё больше раскрасневшийся от выпитого, он стукнул ладонью по столу. – А ну-ка, бакалавр, раздели наш спор!

— Я готов вас выслушать, но, боюсь, мой возраст и отсутствие жизненного опыта не позволят вас судить.

— Вот скажи, Славка, чем отличается верная жена от гулящей?

Меня сперва ошеломил этот вопрос, потом я задумался, пытаясь найти ответ. Но в итоге пожал плечами:

— Не знаю.

— Ладно, спрошу по-другому, – продолжал Николай, его глаза блестели. – Есть ли в этом мире верные бабы?

— Я говорю есть! – твёрдо сказал Степан.

— А я говорю, что нет! – возразил Николай, его голос стал резче. – В каждой женщине присутствует другая сторона. А вот какая, зависит уже от человека, какой грешок взять на душу.

— Нет! – возразил Степан, его кулак сжался. – Есть верные бабы, как моя Юлька, и таких много.

— Вот смотри, пока ты здесь, где твоя Юлька? – спросил Николай, тыча пальцем ему в грудь.

— Что значит где, либо в огороде, либо в избе порядок наводит.

— А может и нет. Может, барин твой, что за тебя свиней покормил, теперь за тебя и Юльку на сеновале топчет?

— Нет! – Степан ударил кулаком по столу, заставив вздрогнуть Веру.

— А вот и да! – Николай усмехнулся. – Только вопрос тут уже в другом: сама она этого захотела, или задницу подставила, чтобы тебе, балбесу, при поместье жилось хорошо, чтобы не побит был и работой не нагружен. Так что все бабы склонны к измене, а как и што – это дело случая.

— У нас любовь, – тихо, но твёрдо сказал Степан.

— Что… – Николай вытянул шею словно гусак. – Какая ещё любовь? Что такое любовь? Любовь – это дело времени. Встретит женщина мужика побогаче, или на лицо не такого дурного, как ты. Будет он ухаживать за ней, слова красивые говорить, по-французски что-то лопотать и всё такое. Немного времени – и ваша любовь завянет. А-а-а… что скажешь, бакалавр? – он посмотрел на меня, ожидая какого-либо ответа.

Я почувствовал, как щёки заливает краска. Слова Николая, полные цинизма и горького опыта, казались мне чужими и пугающими.

— Господа, – ответил я, стараясь говорить ровно, – я не боюсь повториться, я слишком молод. Не познал я ещё ни любви, ни горечи.

— Молодость, молодость… – продолжила Таисия Петровна, её взгляд проник в меня, словно я был прозрачным стеклом, сквозь которое она видела всё моё будущее, ошибки и разочарования. – Молодость, это когда кажется, что весь мир у твоих ног, и все песни про любовь. А потом жизнь как даст по зубам, и поймёшь, что и любовь – это товар, а верность – это сделка.

Все замолчали, но буквально на несколько секунд.

— Ну а, кто же тогда мы, мужики? – вытянул всё ещё хмурый Степан.

— Кобели вы все, готовые залезть под любой подол, – твёрдо заявила Таисия Петровна. Все рассмеялись.

На столе нарисовалась ещё бутылка вина. Разговоры стали ещё более откровенными, смех громче, а взгляды теплее. Казалось, что каждая капля этого рубинового напитка растворяет последние остатки скованности, открывая души друг другу.

Через несколько часов солнце скрылось за горизонтом, грязь на оконном стекле исчезла. Мир терял свои чёткие границы, растворяясь в сумерках. Серые тени сгущались, превращая привычное очертание вагона в нечто призрачное.

Я сидел молча, уже не вникая в беседу моих попутчиков, меня укачивал поезд, я забылся. Сонливость накатывала волнами, смешивалась с мерным стуком колёс. Вдруг сквозь дремоту пробился голос.

—Вам плохо? – заботливо спросила Вера, – может, изволите водицы?

— Нет сударыня, всё хорошо.

— Ну как желаете, – она наклонилась ко мне и заговорила почти шёпотам. – А знаете, что? Вы, мужчины, неправильно оцениваете ситуацию. Вы судите по тому, что хотите видеть сами. Возможно, вас это заводит, для вас это игра. Увести у кого-то женщину, или довести отношения до краха, а затем снова пытаться вернуть её расположение. Это для вас соперничество самцов. Ой, извините за выражение. А все эти разговоры – лишь пьяный трёп, и не более. Вы, мужчины, за бутылкой готовы перемывать косточки другим, искать несуществующие капканы, вы строите домыслы из ничего, вы сплетники хуже нас, женщин. А мы, женщины, любим сердцем и не можем ему указывать. Если сердце кого-то выбрало, то остаётся открытым только для этого человека.

Я внимательно выслушал. Поправив воротник рубашки и попытавшись сесть ровнее, в полутьме посмотрел на её бледное лицо.

— А кому принадлежит ваше сердце?

— Я не знаю, я ещё не встретила такого.

— Так отдайте его мне!

— Как? Мы с вами знакомы всего лишь несколько часов, – заулыбалась Вера.

— А мне было достаточно и мгновения, когда я вас увидел. Я понял: вы та, с кем я хочу просыпаться каждое утро и глядеть на вас перед сном, вы та, с кем я готов проводить каждый Божий день. – Я взял её за руку. – Вы дрожите, прошу вас, не нужно боятся. Прислушайтесь к своему сердцу, оно вам подскажет. Как сегодня в этом поезде встретились два человека, чьи жизни будут наполнены любовью на протяжении столетия.

Мы смотрели друг на друга. Тонкая улыбка Веры перемешалась со страхом. В полумраке её щеки окрасились румянцем.

Я поднялся, взял со стола ложку, постучал по стакану. И вот он, решающий момент, я глубоко вздохнул и громко заявил:

— Таисья Петровна, прошу руки вашей племянницы.

Прошёл месяц с того момента, как я, поддавшись хмельному дурману, устроил сватовство в купе поезда. До сих пор помню этот липкий стыд, который обволакивал меня, когда я приходил в себя, осознавая всю нелепость и неуместность своего поведения. Я был готов провалиться сквозь землю, лишь бы стереть из памяти тот вечер.

Но однажды июньским вечером, перелистывая свою тетрадь, мне попался адрес Веры Николаевны Воскобойниковой, записанный торопливой рукой в том самом поезде. Перед глазами всплыла её улыбка, блеск её глаз.

Я долго собирался с мыслями, пытаясь найти слова, которые могли бы хоть как-то смягчить мою вину, извиниться за столь непристойное и хамское поведение. Я отправил письмо, не ожидая в ответ ничего, кроме тишины.

Но неожиданно для меня я получил письмо и в нём она сообщила, что не держит ни капли зла.

Мы стали переписываться. Наши письменные беседы, превратились в нечто большее. Мы делились мыслями, впечатлениями, рассказывали о своих мечтах и разочарованиях. Я узнавал Веру, мне всё больше нравилась её удивительная способность видеть красоту в обыденном.

Вернувшись на учёбу в Харьков, мы встретились. А, спустя всего два месяца я со светлой головой и серьёзными намереньями отправился на сватовство к Таисии Петровне.

Венчание состоялось в Саратове, в Свято-Троицком соборе. Пышной церемонии не было. Мы выбрали тихий путь глубокой радости, разделённой с самыми дорогими людьми.

А 29 ноября 1895 года в солнечный морозный день в доме раздался первый детский крик. У нас родилась дочь, мы назвали её Натальей, именем, которое казалось нам таким же нежным, как она сама.

Последующие годы моей учебы в Харькове были наполнены тихим светом.

Мы жили у её тёти. В уютной небольшой квартире. Время шло неумолимо. Окончив институт в 1900 году, с дипломом на руках и сердцем полным надежд мы переехали жить в Саратов. В дом к родителям на Панкратьевской. Отец на то время имел должность коллежского асессора и был секретарём губернского присутствия.

Я в этом же году поступил на службу учителем специальных предметов в механико-химико-технологическое училище. Мои руки, привыкшие к чертежам и расчётам, теперь должны были передавать знания молодым умам. Я видел в этом не просто работу, а возможность внести свой вклад, зажечь искру любознательности в тех, кто только начинал свой путь.

Повествование 3

— Год 1902 —

За окном бушует вьюга. Ветер, словно невидимый дирижёр, стучит по металлической крыше. А в дымоходе слышен тоскливый вой, словно душа одинокого странника ищет утешения. Февраль – безжалостный владыка: мороз держит город в своих объятиях уже третью неделю.

Я в гостиной, один, за столом. Керосиновая лампа уныло разгоняет темноту, пряча углы комнаты в полумраке. Стрелка на часах подкрадывается к восьми утра, это время уже стало для меня сигналом, который соблюдаю с педантичной точностью. И сегодня я как всегда при параде.

На мне сорочка нежного светло-голубого цвета, выглаженная до блеска и накрахмаленная так, что держит форму, словно старинный рыцарский доспех. Плотные драповые брюки сидят безупречно благодаря портянкам. А венцом образа служит овечий пиджак, сшитый на заказ у мастера по последней моде. Это не просто пиджак, а настоящее произведение искусства: мягкая шерсть ласково облегает плечи, изящно подчёркивая осанку.

Лицо моё, начисто выбритое, отражало гладкость и чистоту. Волосы аккуратно уложены набок изящной волной.

В девять в меня ждут студиозы. Сегодня я читаю лекцию о правильном расположении вентиляции, спасающей от угарных газов на крупных предприятиях. Опаздывать нельзя, соберутся два класса, а это человек пятьдесят.

Я позавтракал нежной рисовой кашей на молоке. Отодвинул пустую тарелку, ощутив приятную сытость, взглянул в окно. За стеклом, покрытым тонким инеем, проглядывал рассвет. Прорисовались очертания улицы и домов. Ветер всё не утихал, гонял позёмку, собирая её в снежный колючий вихрь.

Я вздрогнул от сырости и прохлады, поселившихся в доме ещё с осени. Голландская печь, трещавшая на кухне, служила единственным источником тепла. И даже если заложить её топку дровами так, чтобы пламя вырывалось из-под заслонки, её тепла хватает лишь на кухню, коридор и часть гостиной. Остальные четыре комнаты по-прежнему остаются холодными.

Взяв керосиновую лампу, я поднялся из-за стола и подошёл к стене, за которой располагалась топка. Тепло густое, обволакивающее, просачивалось сквозь грубую штукатурку. Я постоял, погрел спину, затем руки, чувствуя, как холод, скопившийся во мне, постепенно уходит.

Освещая комнату жёлтым светом, я прошёл через гостиную в противоположный угол. И сразу же почувствовал, как по ногам пошла стужа: полы и стены здесь основательно промёрзли. Оглядевшись, заметил на побелке потолка тёмные уродливые пятна плесени. Живое тепло и мёртвый холод создали резкий контраст, который заставил меня задуматься.

В этот момент скрипнула половица, и в гостиную вошла Вера.

— Доброе утро! – проговорила она.

— Доброе! – отозвался я, подошёл к ней и поцеловал в щёку. – Наталья ещё спит?

— Да, – кивнула она. Голос звучал приглушённо. – В спальне так холодно, что изо рта идёт пар. Не понимаю, как там можно уснуть.

Вера всегда любила тепло. В такую погоду ей приходилось спать, укутавшись в два халата и толстое одеяло. По ночам, когда я вставал, она выглядела как уютный кокон, погружённый в глубокий сон.

— Может, переедем жить на кухню? – улыбнулась она – Это единственное тёплое место в нашем доме. У Натальи снова насморк, она то и дело шмыгает носом. Погляди, Слава, какой мороз за окном… Может, останешься сегодня дома? Мы сварим кофе, почитаем книгу.

— Ты хочешь провести день втроём? Только мы с тобой и Наталья? – спросил я.

— Да. Но не забудь, пожалуйста, укрыть одеялом куклу Натальи. Ей тоже холодно.

На мгновение я забылся, будто разговаривал с той самой Верой, которую полюбил и на которой женился. Её лицо, такое знакомое, такое родное, обрело прежние черты, ожило, заговорило со мной. Я сжал кулак так же крепко, как сжалась моя душа от боли, когда реальность обрушилась вновь.

Врачи предупреждают: болезнь Веры прогрессирует, и сейчас в стадии форпост-синдрома. Дальше будет только хуже. Говорят, может дойти до потери памяти и даже до галлюцинаций. Диагноз докторов прозвучал как приговор. Болезнь, наследственная по своей природе, дремала внутри, выжидая рокового часа. И этим часом стал сокрушительный нервный срыв, омрачённый потерей ребёнка – выкидышем на седьмом месяце беременности. Вера едва выжила после трёхчасовой борьбы хирурга. Когда я забрал её из больницы, она словно ушла в себя, отгородившись от всего мира. Молчание стало её единственным языком, звуки вокруг перестали достигать её. Ночи превратились в бесконечные часы мучений, а попытки накормить её были настоящим испытанием. Она иссохла, как рыба, выброшенная на раскалённый берег. Рёбра, позвоночник, бёдра – всё выступало острыми углами. Щёки, некогда налитые, словно спелые яблоки, провалились, обнажив острые скулы, и казались чужеродными на лице. Кожа приобрела мертвенную бледность, будто из неё вытянули все краски, оставив лишь призрачный оттенок. Взгляд её стал далёким, туманным, потерянным.

Лишь через несколько месяцев после трагедии Вера начала говорить, но её речь стала непостоянной, словно приливы и отливы. То она возвращалась к нам, то внезапно, будто кто-то переключал рубильник в её сознании, начинала нести бессвязные речи, как сейчас, про эти куклы. Порой она шептала о таинственной бабочке, порхающей за окном спальни, всегда одной и той же, с сине-красными крылышками, обрамлёнными золотой каёмкой.

Отец мой, человек суровый и не склонный к нежностям, настаивал: отправьте её в больницу! Но я отказывался. Я просто не мог, не хотел отрывать семилетнюю Наталью от матери. И, честно говоря, я всё ещё цеплялся за надежду, что однажды к ней вернётся здравый рассудок, и мы снова будем счастливы, как прежде.

— Вера, знаешь… – начал я, но слова застряли в горле. Воздух вокруг нас наполнился невысказанным.

Я прижал её голову к себе, нежно целуя волосы, в которых уже не чувствовалось запаха полевых цветов.

* * *

Я стоял перед аудиторией, ощущая знакомое волнение, смешанное с чувством уверенности. Лекцию читал громко, подробно и весьма доходчиво, вдаваясь в каждую мелочь, как меня учили. К сожалению, добавить что-то от себя не представлялось возможности: не хватало ни практики, ни наглядных примеров. А ведь так этого хотелось.

Когда занятие подошло к концу, я предложил студентам написать доклад по только что пройденной теме, надеясь, что это углубит их понимание материала.

Отпустив всех, я накинул на плечи меховое пальто и, не торопясь, принялся заполнять журнал, выводя каждую букву с каллиграфической тщательностью.

Двери аудитории неслышно приоткрылись, на пороге возникла знакомая фигура Николая Николаевича Зябликова. Это был невысокий мужчина двадцати пяти лет, с мягкими, округлыми чертами. Его шею обвивал пышный шерстяной шарф оттенка осенней листвы, создавая яркий контраст с лаконичностью его пиджака. Вся его одежда была насквозь пропитана ароматом свежей выпечки.

Николай Николаевич снимал комнату неподалеку от пекарни, а точнее – на втором этаже пристроенной мансарды. Это соседство щедро делилось с ним своим благоуханием румяных пирожков и пышных пирогов. Этот запах стал его своеобразной визитной карточкой, его личным, неповторимым парфюмом.

И, конечно же, завтрак, обед и ужин холостяка был простым и понятным, как сама жизнь. Всегда свежий хлеб и выпечка, прямо из печи.

От этого его щёки и второй подбородок росли буквально на дрожжах. Николай Николаевич был человеком основательным, и это чувствовалось во всём. Он не стеснялся своего веса, скорее наоборот – казалось, гордился им.

Он неуклюже захлопнул дверь ногой, обе руки были заняты дымящимися кружками с чем-то обжигающе горячим. Взгляд его встретился с моим, и на его губах расцвела мягкая улыбка.

— Вячеслав Августович, мой дорогой человек, несу вам горячего чаю. Надеюсь, он хоть немного согреет вас.

— Николай Николаевич, спасибо вам огромное, — сказал я. Взял у него обжигающую кружку и пожал руку. Попытался сделать глоток, но густой пар окутал лицо, я почувствовал, как напряжение в губах от холода начинает спадать. Гость сел рядом, придвинув стул.

— Только вы можете оставаться на работе допоздна, продолжил он, положив руку на моё плечо, – у тебя же молодая жена, ребёнок, ну, по крайней мере, есть какие-нибудь домашние дела, а ты здесь портки протираешь.

Я усмехнулся:

— Да вот, пока выдался момент, решил привести в порядок журнал, ещё конспекты нужно проверить. Да и, честно говоря, всё с духом не соберусь в такую вьюгу на улицу выйти. С утра вроде бы по нужде всё быстрее, быстрее, боясь опоздать. А за день здесь такой озноб берёт, что к вечеру не хочется порог переступать.

Николай Николаевич кивнул, отпивая чай:

— Знаете, в институте не теплее, чем за окном.

— Тут хотя бы ветер не дует, – твёрдо заявил я. Тёплыми пальцами, что согрелись от кружки, я почесал за ухом и обратился к своему собеседнику:

— Вот смотри, Николай, одна печь прогреть дом полностью не может, даже если на улице будет всего один градус. Как ни жарь топку, в дальних комнатах всё равно будет стужа.

Мой друг заулыбался:

— Ну так, это дело каждого, можно печь и в каждой спальне соорудить. Вот вообрази: стоит небольшая изба, а из крыши десяток дымоходов топорщатся, а жильцы туда-сюда бегают, то и дело подтаскивают дрова. Зато в доме тепло, и все довольны.

— Беспечный вы человек, Николай Николаевич! – я вздохнул и продолжил заполнять бумагу чернилами.

— Вячеслав Августович, пожалуйста, продолжайте свою мысль, – мой коллега убрал с лица улыбку.

— Я всё думаю об отоплении, – продолжил я. – Если одной печи не хватит для прогрева большого помещения, необходимо добавить дополнительный источник тепла, который охватил бы всю избу. Представим себе, печь в доме — это сердце, которое не справляется с такой задачей в одиночку. Нужен кровоток, который бы разносил тепло по всем частям дома. И важно, чтобы вся система грелась одновременно и равномерно от одной топки и одного количества угля. Тогда тепло будет распределяться по всему дому, создавая комфортную температуру. И здесь даже вопрос не в том, как нагреть помещение, а в том, как предотвратить его охлаждение.

В доме каждый уголок может стать потенциальной зоной холода, поэтому необходимо, чтобы стены были хорошо прогреты. Именно они должны служить барьером для мороза. Как говорится, встретить врага в лицо и дать отпор. Вот только нужно обдумать, как правильно это сделать.

Николай меня внимательно выслушал, дождался, пока я закончу, посмотрел на меня и серьёзно спросил:

— Вячеслав, у вас загвоздка с дровами? Не хватит их до весны? Признайтесь другу, я могу поговорить с нужными людьми, они доставят вам дубового головня да полпуда угля.

— Да при чем тут это? – вскрикнул я. – Дров у меня вдоволь. Я вам концепцию излагаю: как экономно протопить весь дом, все двадцать комнат, когда на улице минус двадцать.

— Никаким образом, – мой коллега повысил тон. – Всё, что можно, уже придумано, а что не додумано, так не с нашими головами, вон, пускай столичные профессора думают. Ну или студенты наши, у них головы свежи и молоды. А наша задача направить их на путь, чтобы мозги заработали, сконцентрировать их внимание на учёбе, учить их и передавать своё знание, а не забивать свой ум всякой ерундой.

— Зря вы так. Если не размышлять, голова тупеет и ум теряет остроту. Человек становится пустым, как барабан, от которого исходит только глухой и ненужный бас. Наша реальность не предел, фантазия не имеет границ. Думай, твори, всё в твоих руках! – я встал, взял чай, отхлебнул и подошёл к окошку. – Я же, Николай Николаевич, с вами делюсь, потому что верю в вас, верю, что две светлые головы на что-то способны. А вы усмехаетесь надо мной.

— Знаете, задуматься, конечно есть над чем, – продолжил мой собеседник, положив руку на стол и оперев на неё голову. Его взгляд блуждал в пространстве, словно пытался ухватить мечту. – Вот сейчас представляю свой будущий дом и как в нем тепло и просторно, и нету печи, нету грязи и сажи. Я лежу в кровати у окошка, за окошком трещит мороз, с тёмного неба падают снежинки, а я в одних кальсонах, а дома так тепло, что Любка, кондитерша с пекарни, выложив свои округлые, пухлые груди, лежит рядом. Ей жарко, а мне душевно хорошо.

Я посмотрел на него:

— Бесстыдник вы, Николай Николаевич.

— Это я бесстыдник? – возмутился он. – Это природа над нами шутки шутит.

Мы оба залились искренним смехом.

— Ну, если серьёзно, – отсмеявшись, продолжал коллега, – для того, чтобы тепло прогревало везде равномерно, нужно монтировать тепловые каналы. Но вот только какие, водяные либо воздушные?

— Если воздушные, – сказал я, взял листок и принялся на нём делать зарисовки. – Вот у нас дом. В этом помещении будет печь, тут, по центру, – я добавил квадрат внутри прямоугольника. – Мы её принялись её топить. Нагрелась эта стена, затем вот эта, – я жирно подчёркивал чернилами воображаемые стены, – но как же прогреть остальные комнаты?

— Нужно, чтобы печь располагалась в подвале, – заявил Николай Николаевич, – и от неё по всему дому пустим разветвлённую сеть дымоходов.

— Да! – вскрикнул я, – печь – это не только каменный ящик для дров. Представим, что это своего рода насос, который качает воздух. А воздух – это смесь газов, и они подчиняются законом физики.

— И мы можем заставить менять направление и температуру горячего воздуха, – взглянул на меня Николай Николаевич.

Я продолжал:

— Вот тут пошёл нагрев воздуха, – стал зарисовывать стрелочки в воздушных каналах, что шли от печи в стенах дома и даже в потолке. – По этим каналам мы пустим нагретый поток, он станет циркулировать и нагревать стены.

— Да, но опять: топка будет гореть на полную, а подача тёплого газа всё равно мала, чтобы поддерживать комфортную температуру дома в морозы. Нужно делать две, а то и три топки.

— Но есть еще проблема: через два-три года дымоходы забьются сажей, а чистить полностью систему не представится реальной возможности, придётся разбирать все стены, чтобы добраться до труб.

Мы расчертили заново, исчертили несколько листов и пришли к выводу: чтобы воздушные каналы полностью прогревали дом, печь должна занимать две шестых части подвала дома и сжигать два вагона дров за зиму, тогда она сможет постоянно поддерживать тепло. Мы отклонили эту идею, и даже рассмеялись: чтобы отапливать здание нашего института, нужно к нему подвести железную дорогу для постоянного подвоза угля.

— Тогда берём второй вариант, – предложил я, – вариант с водяным отоплением.

— Да, такое применяют в Европе, – согласился Николай, – да и у нас в Петербурге такое практикуют.

На улице постепенно смеркалось. Свет лампы над столом казался тусклым, почти бессильным против нахлынувшей волны наших идей. Мы снова склонились над бумагами, снова принялись делать зарисовки.

Столько мыслей в голове, но я всё не могу связать в одно целое, чтобы они заработали.

На столе росла стопка эскизов с бесконечными вариантами конфигураций топки и её оптимального расположения. Но истинный хаос царил в запутанных схемах трубопровода, бесконечные линии петляли и пересекались, словно нервные окончания сложного организма. Мы бились над каждым изгибом, над каждым соединением, пытаясь рассчитать нужный диаметр для обеспечения корректной циркуляции теплоносителя.

* * *

Буквально через неделю все в училище знали, что мы занимаемся разработкой чертежей для отопительной системы. Да мы и не держали наши поиски в секрете.

Преподаватели и студенты могли свободно посещать нас во время работы. Кто-то приходил из любопытства, кто-то – чтобы подкинуть идею, а кто-то – просто поглазеть на нашу возню.

Уже через месяц мы получили разрешение на практический эксперимент. Хотя это оказалось нелегко: нам дважды приходилось уговаривать директора Николая Александровича Панова. Сначала мы убеждали его, что наш эксперимент продемонстрирует передовые методы, которые ещё не применяются повсеместно, и это повысит престиж нашего учебного заведения! Об этом напишут в газетах, наше училище упомянут как центр инноваций, а чиновники узнают, что здесь не просто зубрят, а проводят технические опыты на благо страны. Потом наш обстоятельный разговор состоялся в кабинете директора, где воздух был густо пропитан запахом бумаги и чернил.

Около часа мы вели переговоры на предоставление финансирования нашего опыта. Мы с Николаем Николаевичем шли на все уловки, даже перешли к аргументам и нашли информацию, какие награды существуют за данное достижение, и пообещали заслужить на имя директора как минимум почётную грамоту, а в случае успеха – и серебряную медаль.

По прошествии шести месяцев во дворе учебного заведения был возведён полномасштабный макет системы водяного отопления. Строители, руководствуясь нашими чертежами,

сконструировали небольшую печь, в топке которой был размещён плоский металлический бак. Этот бак не просто служил ёмкостью, но являлся ключевым элементом системы, предназначенным для нагрева воды. Опытные сварные проложили трубы под строго определённым углом наклона.

Согласно принципам теплопередачи, при нагревании вода должна подниматься, передавая тепло окружающей среде, а охлаждаясь – возвращаться обратно в систему, обеспечивая непрерывный цикл циркуляции.

Особое внимание было уделено расширительному баку, который выполнял функцию стражи системы, предотвращая избыточное давление, в случае закипания воды.

Трубопроводная сеть, протянутая на полдвора, проходила вдоль миниатюрного макета, выполненного из тонкой древесины, символизирующего стены дома.

В этом училище и во всех учебных заведениях города еще не было такой практики. Немногие понимали, что это значит, но зловещее слово «эксперимент» вызывало всеобщий интерес.

И уже второго августа состоялся открытый показ.

Посмотреть его пришло множество людей, студенты, дети с соседних дворов, заходили просто прохожие. Среди гостей были, профессора, преподаватели из других вузов, а также главные участники нашего праздника представители городского самоуправления. Их визит был важен для нас, для нашего института, для развития города и культурного расцвета.

Летний день выдался пасмурным, ветреным, моросил дождь, но это никого не остановило. К одиннадцати часам в систему залили воду и затопили печь.

Через час все трубы были тёплые. Визитёры ходили смотрели, кто-то прикасался ладонью ощущая приятное тепло металла. Кто-то конспектировал в записные книжки. Печь гудела, трубы грелись, мы топили улицу, и я был доволен.

Однако истинное наслаждение охватило меня, когда ко мне подошёл высокий мужчина. Его облик был безупречен, чёрный фрак, дорогая сорочка и трость, которую он изящно вращал в руке. Густые чёрные усы и тёмные, гладко зачёсанные назад волосы добавляли ему особой элегантности. Это был Георгий Павлович Шпык, статский советник, чье присутствие само по себе требовало глубокого почтения.

Он выразил благодарность за проделанную работу. Пожал нам с Николаем руки и пообещал изложить об этой инновации губернатору. Кроме того, он отметил, что такую малозатратную печь можно внедрять в строительство новых домов.

Счастье меня переполняло, я был окружён людьми, которые искренне интересовались тем, что я делал. Я видел себя, как никогда раньше, и понимал своё предназначение в жизни. В этот момент я почувствовал себя винтиком, деталью в этом огромном механизме, соединяющем человечество и технологию.

Повествование 4

— Год 1903 май **—**

Я стремился к мечте, вкладывал душу, но столкнулся с неудачей и насмешками. По-видимому, у судьбы на меня были другие планы.

Весь последующий год пошёл под откос: семья, работа, да вся моя жизнь – всё рушилось, будто старая повозка, сорвавшаяся с обрыва, неслась вниз по ухабам и разваливалась на части: то колесо отвалится, то оглобля отлетит. Я пытался удержаться, цеплялся за землю, но всё было тщетно. Повозка набирала скорость, и я не мог её остановить.

Самочувствие Веры с каждым месяцем становилось всё хуже и хуже, силы покидали её, оставляя от неё лишь оболочку, измождённую и опустошённую, словно призрак. Она мучилась нескончаемыми головными болями, бессонницей. Но самое страшное началось, когда её разум стал давать сбои. Мысли путались, слова ускользали, как рыбы из рук. Она могла начать

говорить одно, а закончить совершенно другим, или вовсе замолчать на полуслове, потеряв нить разговора.

Дом, который она знала, стал чужим лабиринтом. Она могла стоять перед дверью своей спальни, не понимая, куда идёт и зачем ей туда нужно. Иногда просто останавливалась, застывая на месте, словно статуя. Пять, десять минут она могла просто стоять, в полном ступоре, пока кто-то не брал её за руку и не возвращал в реальность.

А в последнее время Вера, выходя на улицу, стала надевать на себя первое, что попадало под руку, не различая, какая за окном погода, день или ночь. На улице она ждала мореплавателя, который когда-то обещал взять её в плаванье. В её голосе звучала странная смесь надежды и отчаяния, как будто она верила в эту сказку, но понимала, что она никогда не сбудется.

Соседи перешёптывались, качали головами. Кто-то жалел, кто-то осуждал. Но никто не мог понять, что происходит с Верой.

В апреле того же года я подписал бумагу, и Веру госпитализировали в Александровскую больницу, в психиатрическое отделение. Конечно же я себя винил: дом умалишённых больше походил на тюрьму. Решётки на окнах, словно прутья клетки, смирительные рубахи, игравшие роль кандалов, сковывавшие не столько тела, сколько души. В качестве лечения использовали холодную воду, ледяные ванны, которые должны были привести в чувство. А иногда проводили и трепанации – жуткие, варварские операции, которые, как верили врачи, могли изгнать безумие, выдолбив его из черепа.

И вот я привёз её сюда. В этот холодный, мрачный дом, где надежда умирает быстрее, чем в любом другом месте.

Но иначе я не мог, у меня не оставалось выбора. Мне было больно видеть, как смотрит на неё наша восьмилетняя Наталья. Как у дочери наливаются слезами глаза, когда она пытается достучаться до матери, когда протягивает ей рисунок, когда шепчет её имя, а вместо материнской любви и ласки она видит больного, замкнутого, чужого человека.

С её уходом наш дом стал пуст. Мы остались без жены, без матери, но оба надеялись на её возвращение, хотя об этом друг другу не говорили.

Март в Саратове в тот год выдался особенно капризным. То солнце щедро заливало город золотом, то вдруг налетал промозглый ветер, принося с собой мелкую, колючую морось. Именно в такой переменчивый день, когда воздух был пропитан запахом талого снега и первых робких почек, Николай Николаевич, мой коллега, сообщил мне весьма неприятную новость. Он вынужден отказать мне в дальнейшем сотрудничестве с отопительными системами, потому что ему предложили переехать в Петербург и занять должность на математических курсах в техническом институте, там более высокая оплата, престиж и хорошие возможности на будущие.

В его словах не было ни капли хвастовства, только спокойная уверенность и лёгкая грусть. Я его понимал. Понимал, что для такого человека, как Николай Николаевич, с его интеллектом Саратов, при всей его родной теплоте, уже не мог предложить того, чего он заслуживал. Отговаривать его было бы не только бессмысленно, но и, пожалуй, даже эгоистично. И уже двадцать седьмого марта я попрощался с ним на перроне вокзала.

Не прошло и месяца, как меня снова постигло несчастье.

Утром, просматривая «Саратовские губернские ведомости», я увидел на первой полосе новость о строительстве родильного дома на улицах Шелковичной и Царёвской. В нём будет установлена инновационная система водяного отопления. Это та система, по которой мы с Николай Николаевичем делали презентацию. Но проект разрабатывает московский торговый дом «Чаплин и Залесский».

Я пришёл в ярость. Это было не просто раздражение, не лёгкое недовольство, а настоящая, всепоглощающая буря, которая захлестнула меня с головой. Я вскочил с кресла, скомкал

газету, бросив её на пол. Не в силах сдержать нарастающее напряжение, я пнул стул. Он с грохотом опрокинулся, но даже этот звук не смог заглушить гул в моих ушах.

Меня проигнорировали. Меня обошли стороной. Всем наплевать на мои усилия, на мой накопленный практический опыт.

Я так долго ждал этой работы, к которой стремился всей душой. Вложил в неё все силы и старания. Я чувствовал, что могу сделать её лучше всех. Но в итоге её отдали московитам.

Я сразу же направился к директору училища, поделиться этой новостью и, может быть, услышать совет. Но тот лишь развёл руками. Конечно, кто такой я, а кто – московские профессора? Меня просто не воспринимают всерьёз.

Время тянулось медленно. Дни стали серыми и бессмысленными, ночи — длинными, бессонными. Душа болела, мысли сплетались в мрачный клубок переживаний. Хотелось спрятаться в шкафу и закричать от отчаяния. Так продолжалось до конца весны.

* * *

В середине мая, когда вишня покрылась цветами, а воздух наполнился сладким ароматом клевера и ромашки, в воскресенье, в обеденной час на пороге моего дома появился неожиданный гость. Навьюченный котомкой и держа в руке красный чемодан из телячьей кожи, он без стука и приглашения зашёл в гостиную, как раз когда я обедал.

— Дружище! – закричал я, и сердце моё подпрыгнуло от радости. Это был Вовка Романчук. Я вскочил из-за стола, бросился к нему, раскинув руки. Мы столкнулись в крепком, немного неуклюжем объятии, как это бывает со старыми друзьями, которые не виделись чёрт знает сколько времени.

От него исходил удивительный, совершенно незнакомый для мне запах – с цитрусовыми нотками, явно дорогого одеколона.

— Да что ты, Славка, дай хоть растюкуюсь, – пробасил Вовка, пытаясь выпутаться из моих объятий, при этом улыбаясь во весь рот. Его глаза, всегда такие живые и смеющиеся, сейчас светились ещё ярче.

Я отпустил его, но не выпустил из рук его вещи. Выхватил чемодан, снял с него сумку и небрежно бросил на стул. Внимательно посмотрел на дорогого мне гостя.

Он выглядел ещё лучше, чем его парфюм. За эти семь лет, что мы не виделись, он возмужал и будто ещё вытянулся кверху, а плечи стали шире. Передо мной стоял мужчина, словно сошедший с античных фресок. С телом атлета и лицом греческого бога Эрота. Волевой, гладко выбритый подбородок, безупречно ровный нос, будто выточенный из мрамора. Зелёные глаза и тёмная прядь волос, завитушками спускавшаяся с его головы. Он был одет в лёгкую рубаху и брюки, сшитые из ткани, которая была явно не российского производства. Я знал, что ткани такого качество у нас не сыскать даже в самых дорогих ателье. Ткань струилась, облегая его стройную, но крепкую фигуру, подчёркивая каждый изгиб.

— Батюшки! – воскликнул я. – Какой передо мной жених!

— А ну-ка, сплюнь немедля это с языка, до жениха мне как пешком до Нотер-Дама, – возразил он. – Жениться только лет через двадцать, и не ранее.

— Что же ты, Селадон, никак не нагуляешься?

Он помотал головой:

— Ты знаешь, сколько барышень по свету ходит, а я человек любопытный, каждую хочется узнать.

— Эх, прощелыга, – я ударил его в плечо, с моего лица от радости не сходила улыбка, которую я не ощущал последние месяцы. – Ну как ты тут? Как здесь оказался, ты же был на другом конце света?

— Прибыл двенадцать дней назад из Франции, – ответил он, и его голос стал чуточку серьёзнее. – Погостил в Камышине у родителей, да и вот к лучшему другу прибыл. А он и стопки поднести с дороги не желает.

— Вовка, пару минут, и всё будет! – я подвёл гостя к столу. – Садись, дорогой, одно мгновение, и всё будет. – Окликнул кухарку, которая, услышав шум, уже выглядывала из кухни. – Марья! Неси водки, жареных линьков с картошкой, неси потрошков с горчицей и всего изысканного, что есть на кухне. И побыстрее!

Марья, ходившая у нас в прислугах пятый год и привыкшая к моим внезапным прихотям, кивнула и скрылась в недрах кухни. Я же, не отрывая взгляда от Вовки, чувствовал, как старые добрые времена возвращаются. Этот неожиданный визит стал лучшим подарком за последнее время. Я знал, что этот вечер будет долгим, наполненным воспоминаниями и смехом.

— Вовка в 1898 году окончил юридический факультет Киевского университета Святого Владимира. С дипломом и блестящим знанием французского в том же году поступил на службу в Самару, город на Волге встретил его суровой красотой и страдательной суетой. Через полгода он перевёлся в Казань, затем оказался в Одессе. Исколесив Россию, отправился покорять заграницу. Как заявил он, Россия кажется ему необъятной страной, но немного тесноватой для его амбиций. И на сегодняшний день он счастливо живет в Марселе. Служит поверенным при дворе, разбирает дела, которые казались другим неразрешёнными. Получает хорошее жалование, снимает квартиру с видом на море. Живёт то с одной, то с другой дамой, предпочитает вдов. В отличие от молодых, они не такие глупые, да ещё и состояньице у них имеется по наследству. Володька добавил, что француженки в постели хороши, они какие-то нежные, воздушные, ласки у них что ли больше?

К тому моменту, когда графин оказался наполовину пуст, я, наконец, выговорился обо всех своих бедах. Воздух в комнате стал тяжёлым от выпитого и сказанного. Я поведал Вовке о болезни жены, о несправедливости городской управы, о том, как мечты разбивались о суровую реальность. Мы пообедали, но не успели перейти к чаю, как Вовка, раскрасневшийся от негодования, стукнул кулаком по столу.

— Я хочу встретиться с городским советником! — воскликнул он с решимостью, которой я давно не слышал. – С тем самым человеком, что был на презентации, а в итоге принял решение отдать проектирование в руки москвичам. Я хочу посмотреть ему в глаза!

Я не разделял его энтузиазма. Наоборот, идея казалась мне безумной, почти самоубийственной. Но мой друг, этот неутомимый вихрь, был непреклонен. Он хотел организовать встречу прямо сегодня. Даже незамедлительно!

— Вовка, ты в своём уме? — попытался я возразить, ища любые отговорки. – Он человек занятой, возможно, его даже нет в городе. Давай перенесём встречу на вторник или среду, когда наши головы будут ясно и здраво мыслить.

Но мои слова разбивались о глухую стену его решимости. В глазах Володьки полыхало такое пламя, что я осознал: отговорить его не получится. Он, даже не дожидаясь моего одобрения, отдал приказ моему кучеру, и уже через пять минут бричка ждала нас у порога.

Я был настолько измотан, что мне стало всё равно. Меня уже не пугал наш визит и его возможные последствия для моей преподавательской карьеры. В голове мелькали одна и та же мысль: бросить всё, покинуть Саратов и вернуться в Камышин, в дом моего детства. Может, там я смогу найти хоть какой-то покой. И вот, подчинившись другу и пьяному порыву, я повёлся на эту безумную затею.

Солнце заливалось багрянцем и клонилось к закату, тёплый ветер ласково обдувал лицо, а наша бричка остановилась у дома статского советника Григория Павловича Шпыка, правой руки вице-губернатора.

Едва мы подошли к парадному, как двери отворились, нас встретил лакей с учтивым поклоном:

— Добрый день, господа, чем обязан визиту?

— Добрый день, — поздоровался я. — Нам бы Григория Павловича.

— Григорий Павлович дома, – ответил лакей, – но сегодня день воскресный, и у меня нет указа на приём каких-либо гостей. Боюсь, он вас не примет.

— Хорошо, хорошо, — вмешался Володя. — Я согласен, наша встреча не была запланирована. Но я здесь проездом. Ты, пожалуйста, сообщи Григорию Павловичу, что прибыл Владимир Романчук. А дальше пускай он сам решает, принять меня или нет.

Слуга замялся:

— Ожидайте, пожалуйста.

Он покинул нас, мы остались у открытой двери.

— Нет, не примет, — уверенно заявил я. Как неожиданно почувствовал сильный толчок. Вовка схватил меня за локоть и втолкнул в дверной проём. Я лишь успел вытаращить глаза, а он уже тащил меня дальше по коридору, вслед за слугой.

— Ты что делаешь? — выдохнул я, пытаясь освободиться из его хватки.

Но он, цепко держа меня, словно клещ, и стараясь ступать бесшумно, продолжал увлекать меня за собой. Если бы это был кто-то иной, я бы, несомненно, остановился, оттолкнул его, возможно, даже дал бы пощёчину. Если это был бы кто-то другой, меня бы парализовал страх перед содеянным. Но с Вовкой всё обстояло иначе. Его неиссякаемая энергия, его абсолютная убеждённость в благополучном исходе были той силой, что заставляла меня идти следом за ним.

Меня взял смех. Мне двадцать восемь лет, но я чувствовал себя ребёнком. Мы бегаем по чужому дому, выглядываем из-за угла, хохочем, и каждая скрипнувшая под ногами половица вызывает у нас новый приступ смеха.

Слуга, не подозревая о нашем нашествии, уверенно шёл вперёд. Мы следовали за ним, как заворожённые, чувствуя себя героями невероятной авантюры.

Преодолев извилистый полумрачный коридор – лакированный паркет ловил и искажал призрачные силуэты французских окон, – мы вышли в зелёный сад с низкими декоративными яблонями, вишней и кустами сирени, её сладкий аромат обрушился на нас.

На террасе за круглым столом, укутанным белоснежной скатертью и сервированным фарфоровыми блюдцами и чашками, собралась вся семья. Все, облачённые в белые одеяния, производили впечатление единого торжественного хора, исполненного помпезности. Во главе стола, с достоинством истинного патриарха, восседал Шпык. Рядом с ним, словно расцветающий бутон, сияла его молодая жена. Чуть поодаль, два лучика света в этом белоснежном царстве, оживлённо переговаривались их маленькие сыновья. Старший, лет восьми, с серьёзным видом что-то объяснял младшему. Их звонкие, беззаботные детские голоса вносили живую нотку игривости в эту торжественную атмосферу.

Слуга, чей чёрный фрак выделялся среди белого, склонился над хозяином и, следуя этикету, поместив одну руку за спину, сообщал о незваных гостях, ожидающих у парадного. Хозяин, хмурив густые тёмные брови, выглядел озадаченным. Он не мог понять, о ком всё же идет речь.

Я замер, растерялся. Меня охватил страх и стеснение.

— Григорий Павлович! – залепетал Володька. – Уважаемый человек, наконец-то я вас увидел воочию.

— Барин, я никого не впускал! – стал оправдываться лакей. – Господа, сейчас же покиньте дом.

— Ваня, да как же они вошли? – удивилась хозяйка.

— Я оставил их ожидать у парадного. Люди порядочно одеты, не попрошайки какие-то. Я посчитал: не культурно перед их носом закрывать двери.

Дама в белом, опешив от интервентов, начала материть лакея всеми похабными словами, которые её отпрыски ещё не слышали, и, по-видимому, не понимали их значения.

— Ваня, хрен ты телячий, – и это было непривычно слышать с милых женских уст, – ты совсем ополоумел? Ты всех подряд будешь пускать в мой дом, тут деньги, тут дети, кобель ты, подкошенный малярией, а если это бандиты, а ты им двери открытыми оставляешь? Да ты бы им ещё сапоги начистил перед входом.

— Так они сами зашли, барыня, ей-богу сами! – лакей становился всё бледнее и белее и уже слился с настольной скатертью.

У меня от стыда вспыхнули щеки, сердце забилось так, что я ощущал его пульс в шее.

— Пардон, большой пардон, – Вовка встал перед хозяевами и почётно наклонил голову. – Ваш Ванюша не причём. Это я взял наглость и вторгся в ваши покои. Так как вопрос у нас жизни и смерти и решить его может только уважаемый Григорий Павлович. А что касается бандитов, мы далеко не такие. Я, между прочим, уважаемый юрист, а это мой друг – выдающийся преподаватель и будущий учёный с большой буквы – Вячеслав Августович.

Хозяйка ничего не хотела слушать, смотрела на мужа и продолжала тараторить:

— Гришенька, ну что же тут происходит, у нас дом или проходная площадь?

— Хватит! — громко сказал хозяин дома, стукнув ладонью по столу. — Я сказал, хватит. Ваня, пошёл отсюда. — Его взгляд устремился на нас. — Господа, я поражён такой наглостью.

— Еще стократное извинение, — лепетал Володька, положив руку на сердце.

Дворецкий отошёл и, спрятавшись за кустами, тихо прошептал:

— Может, полицмейстера позвать?

— Пошёл прочь, пёс, чтобы не попадался мне сегодня на глаза! — зарычал статский советник, покраснев от злобы. Он посмотрел на жену, попытался быть более ласковым, но в его голосе всё равно звучали металлические нотки. — Лизанька, душенька, возьми мальчишек. Идите в дом, там отдохните, почитайте.

Хозяйка, с волосами цвета морской пены и недовольным выражением лица, со звоном бросила ложечку в чашку, встала из-за стола и вместе с детьми скрылась в темноте дома.

— Григорий Павлович! – продолжал Володя с воодушевлением, напоминая хитрого лиса из той самой сказки, умеющего находить самые скрытые тропы. – Не прогневайтесь, я не мог бы себе простить: быть в Саратове и не повстречаться с вами. Выразить благодарность за такое развитие города. Да, да слухи уже трижды обогнули землю, об этом городе говорят и на чужбине, – не замолкая, продолжал Володька – У меня завтра поезд, я последние три года живу во Франции. Но хочу сказать: побывав здесь, я сильно удивлён: какая инфраструктура! какая архитектура! Фонтаны, липы… Хочу заметить – Саратов быстрыми шагами движется к европейскому шарму. И мой долг выразить благодарность людям, имеющим к этому отношение. Я заметил: тут и люди стали другие, культурные, будто как-то душевнее что ли. Видна здесь ваша заслуга, – Володька подошёл к хозяину дома и протянул ему руку. – Спасибо вам!

— Ну, что есть, то есть, – заулыбался Григорий Павлович, – при хорошем баране и овцы блаженны. Пожал руку.

— Ну что вы так о себе говорите, Григорий Павлович, — рассмеялся мой друг. Интурист не останавливался, продолжая свою игру. Уверенно вытащил из кармана жилетки карточку и протянул её хозяину дома. Тот прищурился, начал читать текст на французском. Когда же ознакомился со свидетельством о должности доверенного при дворе месье Бернара Готю в Марселе, то его лицо стало ещё более выразительным.

Статский советник встал из-за стола:

— Ну что ж, господа, присаживайтесь. Сейчас выпьем вина моего собственного урожая трёхлетней выдержки и побеседуем. — Он повернулся к сирени, где за пушистыми ветвями проглядывался чёрный сюртук, и закричал: — Ванька, убери лишнее со стола, подай вина и фруктов.

Затем он снова взглянул на Володьку и медленно, по буквам, с трудом проговорил:

— «J'aime Paris».

— Tous ceux qui étaient à Paris sont amoureux de lui», ответил Володька.

Шпык улыбнулся:

— Вы знаете, это единственное, что могу сказать на французском. Вот читать ещё с Божьей помощью могу, через слово понимаю, но говорить нет, язык у меня под такое не заточен.

— Григорий Павлович, но ничего страшного, – продолжал Володька. – У вас просто, видимо, мало практики, а так этот язык лёгок, да с вашей головой можно за три дня его освоить.

— Нет, нет, Володя, практика была. В Париже я был два раза, второй раз вообще чуть там не остался, уж страшно я был вдохновлён и пленён им. Но, увы, мой долг быть здесь.

— Григорий Павлович, вам непременно нужно побывать ещё раз во Франции, глубже в неё окунуться и людей посмотреть.

Статский советник задумался, нахмурил брови. А мой друг продолжал заливаться, словно весенний жаворонок:

— Григорий Павлович, извините, что вмешиваюсь в ваши дела, но вам непременно стоит понаблюдать, как работают политики за границей. А, поверьте мне, они там умеют воротить делами, они настоящие мастера своего дела. А когда вы вникните в суть дела, да с вашим умом, светлыми идеями – станете лучшим политиком в России. Люди будут вами восхищаться, вы займёте высокие посты. А может быть, у вас в руках окажется не только ключ от Саратова, но и отворятся столичные двери, а это совсем другая жизнь, новые горизонты.

Шпак сделал глоток вина, перекрутил ус.

— Так что знайте, – продолжал Володька, – если решитесь отправиться в Париж, я к вашим услугам. Я общаюсь в высших кругах, у меня в парламенте много влиятельных друзей. Приезжайте, я вас познакомлю, мы сходим на слушанье, на другое, поработаем вместе. А знаете что, приезжайте вместе с семьёй, в июне как раз фестиваль музыки, и там очень интересно по центральным улицам несколько дней подряд проходят карнавалы, везде цветы, флажки, вино и сыр – всё украшено и везде играют уличные музыканты. Залюбуется вся ваша семья.

— Владимир, послушайте, – перебил его статский советник, – у меня есть более интересный вопрос.

— Слушаю вас!

— Моей старшей дочери, её сегодня здесь нет, недавно исполнилось четырнадцать. И я уже думаю дать ей благородное воспитание, а это институт или даже отправить учиться за границу.

— Подсоблю, Григорий Павлович, чем смогу подсоблю, там море возможностей сделать из вашей девочки настоящую мадмуазель. Взять к примеру университет Сорбонна, или академию Каларосси. Вы не узнаете свою девочку уже через год.

— Подсобишь, говоришь?

— Я прослежу за ней, возьму под опеку. Под своё крыло, даю слово джентльмена.

Хозяин дома рассмеялся, громко, надменно:

— Вижу, заграница хорошо подточила твой язык. Красиво стелешь, высоко летаешь, и, видимо, ещё ни разу не бился об землю.

Володька притих. Я так вообще за всё время не проронил ни слова. Сидел на стуле будто студент на зачёте, сложив руки на колени, и переводил взгляд то с Володьки на Григория Павловича, то обратно.

Володька отпил вина, обтёр уголки губ, улыбнулся:

— Нет, не бился Григорий Павлович, мне по нраву больше парить в облаках.

Статский советник рассмеялся, дружески стукнул его по плечу:

— Молодец! Но, видишь ли, мы здесь не лягушатники, и наш ум не затараторишь красивыми словами. – Шпак плеснул вина себе и своему собеседнику. – Ну, теперь рассказывай, какой чёрт вас сюда принёс?

— Как известно, мы сами строим наше общество и новый уклад бытия, — продолжал Володька. — Каждый из нас стремится создать комфортные условия для жизни. У вас, как я вижу, большие планы на будущее, возведение заводов, больниц, новых учебных заведений и всё такое остальное. Так позвольте Вячеславу Яхимовичу внести свой вклад в развитие этого города. Это одарённый учёный, чья работа принесёт пользу всем горожанам. Он готов полностью взять на себя ответственность и произвести отопление дома на улице… — Володька посмотрел на меня.

— На Шелковичной, — подсказал я.

— Да, на Шелковичной, — подтвердил Володька. — Он готов со всей строгостью и ответственностью понести эту работу.

Все замолчали, я так вообще замер, кажется, даже в тот момент перестал дышать.

— Так вот откуда мне знакомо ваше лицо, — сказал статский советник, глядя на меня. – Вы тот преподаватель, который во дворе техникума построил систему отопления.

Я утвердительно кивнул головой.

— Молодцы, — продолжил он. — Но здесь всё немного по-другому. Здесь интересы Москвы. — Хозяин дома положил руку на стол и забарабанил пальцами.

— Но почему бы нашему земляку не дать возможность в этом поучаствовать? – не унимался Володька.

— Это же свой человек, с которым всегда можно найти общий язык, компромисс, всегда можно договориться, а в случае и дать нагоняй. Дайте ему шанс. – Володя прошептал: – Зачем вам эти столичные прихвостни!

— Возможно, что я-то и не против, – согласился Шпык. – Но пришли бы вы ко мне на месяц ранее. А сейчас решение принято и Министерством внутренних дел, и губернатором.

— А договора? – спросил Володя. – Договора заключены?

— Пока ещё нет, договорённость лишь заверена устами всех сторон.

— Но тогда не поздно. Тогда всё в ваших руках, – оживился мой друг. – Дело ведёте вы, так уговорите губернатора и министерство. Напомните всем, что здесь, в провинции, живут не только охотники и лесорубы с большими топорами, но и талантливые люди, профессора, математики, инженеры. Да может быть их головушка варит лучше, чем у профессоров Гарварда. Стоит лишь дать шанс.

— Я не знаю, как вам объяснить, но это невозможно, и идти против Москвы нет никакого желания, – твёрдо заявил хозяин дома.

— Треть суммы, – воскликнул Володька. – Вячеслав Августович всё сделает за треть от той суммы, которую бы взяли москвичи. Он получит денежку с казны за прекрасно проделанною работу, небольшую часть заберёт, а излишки вернёт сразу же вам. – Он наклонился ближе к собеседнику и прошептал: – Ну, а вы уже сами распорядитесь финансами, как считаете нужным, – мой друг подмигнул.

Григорий Павлович снова покрутил свои усы, которые от такой привычки дыбились кверху, словно два упрямых чёрных жука, готовых к битве. Он достал из внутреннего кармана портсигар. Постучал об него папироску, и через мгновение густой, терпкий дым разошёлся по воздуху, смешиваясь с ароматом вечерних цветов.

— Знаете что, Владимир, – начал он, выпуская дым, коммерческий разговор – это уже другое, это наш с вами стиль общения. Я займусь вашим вопросом.

Он сделал паузу, внимательно наблюдая за реакцией Володи. На лице моего друга не отразилось ни малейшего колебания, лишь лёгкое напряжение, выдававшее, что он ждёт продолжения.

— Но скажу сразу же, – добавил Григорий Павлович, его голос стал чуть тише, но от этого не перестал быть менее весомым. – Я приложу усилие, но обещать ничего не буду. Конечное решение и последние слово в этом деле останется за губернатором. И ещё я почему-то тебе

верю, верю твоему напористому характеру. И поэтому, смотри, Катюшка моя, мой ребёнок, отправится во Францию. И ты окажешь помощь во всех услугах, касающихся её пребывания там. Какой бы ни был ответ по поводу Яхимовича.

— Согласен! – твёрдо ответил Володька и протянул ему руку. Их ладони крепко сплелись, подтверждая уговор.

Вскоре терраса начала погружаться в мягкие объятия сумрака, воздух наполнился прохладой. В этот момент появился дворецкий, поставил на стол лампу с ярким тёплым светом, наш вечер продолжился до глубокой ночи. За столом полились разговоры, шутки о политике, острые, но беззлобные, отражающие наше общее понимание мира. Затем перенеслись в Париж, после коснулись темы семьи, и снова бесконечные разговоры о политике.

Я сидел молча, старался не встревать в их дебаты.

Володя всё же сделал то, чего я даже не мог и представить. У меня бы никогда не хватило ни смелости, ни решительности противостоять такому сильному человеку, как Григорий Павлович.

Прожжённый годами своей профессии Шпык, как и все чиновники, которых мне доводилось встречать за жизненной путь, принадлежал к отдельному классу людей, не схожих с обыденной жизнью. Его реальность была выкована из иных материалов – из коварства, хитрости, лжи, всего, что могло послужить в получении своей цели. Он играл, и вся его жизнь – спектакль, а он в ней постановщик.

Взгляд был его визитной карточкой. Стальной, самодовольный, он проникал сквозь тебя, словно искал слабость и уязвимость. В этом взгляде не было сочувствия, лишь холодный расчёт и незыблемая вера в собственную непогрешимость. Такие, как он, давно уже забыли мораль и духовные ценности. Смотришь на него и понимаешь, как давно он потерял человеческую сущность. Он будто змей, что ползает в тёмных уголках своих мыслей, ища жертву и выгоду во всём. Он не видит людей, он видит в них ресурс, ступени, по которым можно подняться наверх. Такие, как Шпык, решают, кому дать свет надежды, а кого утопить в серой грусти бытия.

Повествование 5

— Год 1903 август —

В конце июня ко мне на дом пожаловал заверенный с документами от застройщика, в котором говорилось, что я должен подготовить предварительный проект на отопление будущего родильного дома на Шелковичной. Распоряжение подписано вице-губернаторам.

Когда делегат ушёл и я ознакомился с бумагами, они привели меня в восторг. Сердце забилось в бешеном ритме. Радости моей не было предела. Мне хотелось открыть окно и кричать на весь город, давая всему миру знать о моём счастье. В этот момент рядом оказалась дочь, я обнял её, она робко улыбнулась. Мы закружились в неуклюжем вальсе, наматывая круги по комнате, наигрывая губами мелодию. Конечно же я понимал, что это всего лишь презентации, и ещё нет окончательного результата, что меня одобрят, но я был этому рад.

Больше месяца моя жизнь была сплетена из тонких линий набросков, шелеста бумаги и скрипа карандаша.

Целый месяц я работал над чертежами, что-то писал, зачёркивал, переделывал, а наутро с новыми идеями и свежей головой снова черкал и переписывал. Каждая линия, каждый штрих были результатом долгих размышлений, сомнений и поисков. Иногда я чувствовал себя настоящим алхимиком, пытающимся превратить свинец сомнений в золото готового решения. И, наконец, в начале августа проект был готов.

Несмотря на проливной дождь, с силой барабанивший по крыше и окнам, я велел кучеру Ивану Петровичу запрячь бричку. Погрузившись в неё и захватив с собой свой пухлый рыжий портфель, отправился в комитет градостроительства и архитектуры.

24-го августа. Воздух в зале заседаний мне показался густым. Около двадцати человек – министры, советники, председатели казённой палаты и ещё какие-то важные, незнакомые мне лица. Хотя, возможно, они были мне представлены, но я не особо запомнил их, я на тот момент был взволнован и полностью погружён в мысли, словно студент-первокурсник перед важной сессией.

В начале одиннадцатого началось слушание. Я выступил с докладом. Рассказал всё по порядку: как готовился, о расположении труб, о том, как важно обеспечить правильный теплообмен, чтобы каждый уголок помещения был согрет. Говорил о тяге дымохода, о том, как она влияет на эффективность печей и топку сухим горючим. Рассказывал о нагреве воды, о её коварном расширении и о том, как важно обеспечить её беспрепятственную циркуляцию во всей системе. Я говорил обо всем, что знал, вкладывая в каждое слово всю свою страсть, всю уверенность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.